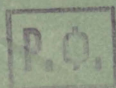
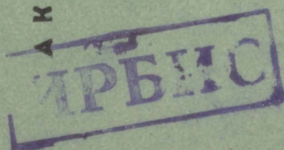

К. УСЕНБАЕВ

**ПРИБОЩЕНИЕ
ТРУДЯЩИХСЯ
КИРГИЗИИ
К
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
БОРЬБЕ
В
РОССИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР — ФРУНЗЕ 19

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К. У.

К. УСЕНБАЕВ

ПРИБОЩЕНИЕ
ТРУДЯЩИХСЯ КИРГИЗИИ
К РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ
В РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»

Фрунзе, 1971

В работе на базе архивных материалов рассказывается о той исторической обстановке, в условиях которой проходила борьба киргизских народных масс за вою социальную и национальную независимость в конце XIX — начале XX вв. Показывается политическое пробуждение киргизского народа под влиянием проникновения марксистско-ленинских идей и революционных выступлений в России, а также зарождение дружественных связей между коренным трудовым населением и русскими переселенцами. Исследуются возникновение и ход, характер, движущие силы и специфические особенности революционной борьбы трудящихся Киргизии.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Киргизской ССР*

Ответственный редактор *А. А. Сапелкин.*

1—6—4

Кушпек Усенбаевич Усенбаев

ПРИОБЩЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ КИРГИЗИИ К РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ В РОССИИ

Редактор издательства *М. Д. Ведерникова*
Обложка художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *Э. К. Гаврина*
Корректор *И. П. Забелина*

Сдано в набор 5/X 1970 г. Подписано в печать 30./XI 1971 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1
Объем 1,875 п. л., привед. 3,08 л., уч-изд. 3,2 л. Тираж 500 экз.
Д—06981. Заказ 2233. Цена 19 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. XXII партсъезда, 265а

Типография Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144.

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

2000

Кыргызской Республики

10799

Изучение освободительной борьбы народов против «своих» и иноземных угнетателей имеет большое политическое и научное значение и является одной из актуальных проблем. Революционные традиции и героическое прошлое советского народа помогают воспитывать нашу молодежь в духе пролетарского патриотизма, свободолюбия и интернационализма.

Киргизский народ, как и все народы нашей великой отчизны, имеет свои богатые революционные традиции. Его историю можно было бы смело назвать историей народно-освободительной борьбы и революционного движения. Он не раз поднимался на защиту своей социальной и национальной свободы. Нередко казалось, что он не выдержит и погибнет в неравной борьбе или же вымрет под тяжестью ига чужих поработителей и «своих» угнетателей. Но жажда свободы и счастливой жизни помогли ему находить новые и новые неиссякаемые силы для борьбы за прекрасное будущее, родную землю и самобытную культуру.

С вхождением в состав России освободительное движение киргизского народа усилилось и пошло по пути бурного революционного развития. Передовая демократическая Россия питала киргизский народ марксистско-ленинскими идеями и вдохновляла его на победоносную борьбу.

В данном исследовании мы попытаемся кратко рассказать о приобщении трудящихся Киргизии к революционному движению в России. Наша задача значительно облегчается тем, что этот вопрос нашел известное освещение в работах А. Н. Зорина, А. Ниялло, Я. А. Чубукова, И. П. Мужикова, А. Ф. Лачко, А. Г. Зямы, А. В. Пяковского, Б. Д. Джамгерчинова, В. Н. Семенкова¹ и некоторых других историков.

¹ А. Н. З о р и н. Революционное движение Киргизии (северная часть). Фрунзе, 1931; А. Н и а л л о. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941;

Сто с лишним лет тому назад киргизский народ добровольно вошел в состав России и навсегда соединил свою судьбу с судьбой великого русского народа. Киргизия вошла в состав государства, в котором в то время развивалось революционное движение, оказавшее мощное воздействие на развитие классовой и национально-освободительной борьбы коренного населения. Киргизские трудовые массы, как и все народы Средней Азии, получили возможность присоединиться к революционному движению русского пролетариата. В этом заключалось главное прогрессивное значение вхождения Киргизии в состав России.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали прогрессивную роль России в истории народов Востока. Маркс и Энгельс в 60—70-х годах XIX в. отмечали спад революционного движения в Англии, в то время как Россия приближалась к революции. «...Россия, — писали они, — представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»¹. А немного позже К. Маркс, имея в виду Россию, определенно сказал, что «революция начнется на этот раз на Востоке...»². Как указывал В. И. Ленин, в 80-х годах XIX в. Россия находилась накануне величайшей социальной революции, последствия которой должны были иметь «могучее всемирное значение»³. В конце прошлого столетия Россия стала уже центром революционного движения, а русский рабочий класс — авангардом международного пролетариата.

Киргизский народ, войдя в состав России, не мог оставаться в стороне от революционных бурь. Он приобрел

Я. А. Чубуков. Революционная борьба в северных районах Киргизии. Фрунзе, 1941; И. П. Мужиков. Влияние первой русской революции 1905—1907 гг. на развитие революционного движения в Киргизии. Фрунзе, 1965; А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958; Б. Д. Джамгерчинов. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. Фрунзе, 1962; его же. Борец за народное дело (Т. Жуков—А. А. Пудовкин). Фрунзе, 1963; А. Г. Зима. Победа Октябрьской революции в Киргизии. Фрунзе, 1966.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 305.

² Там же, т. 34, стр. 230.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 247.

щился к героической освободительной борьбе русского пролетариата и трудового крестьянства. В русском пролетариате киргизский народ, как и все угнетенные народы окраин, обрел верного союзника, надежную опору, искреннего друга и защитника в борьбе за социальное и национальное освобождение. Передовые представители революционной России своими смелыми выступлениями, искренним дружественным и гуманным отношением к трудовому киргизскому населению выискали его братскую любовь и глубокое уважение¹.

В процессе хозяйственно-экономического общения возникали и расширялись дружественные и культурно-политические связи между киргизскими и русскими трудящимися. Характерной чертой представителей простого русского народа в противоположность царским чиновникам являлось отсутствие расового высокомерия по отношению к киргизскому трудовому населению. Русские крестьяне, переселившиеся в Киргизию, быстро установили с коренным населением добрососедские отношения. Еще в 70-х годах прошлого столетия первый исследователь Киргизии П. П. Семенов писал, что русские крестьяне стремились «жить со своими соседями (киргизами.— К. У.) в добрых отношениях, закрепленных беспрестанной потребностью взаимной помощи и обмена предметами, производимыми той или другой сторонами»².

Как отмечал один из дореволюционных исследователей В. Вошинин, русские переселенцы с киргизами «ладят, даже более дружны и вообще всем довольны, без излишнего оптимизма в словах»³, «Киргизы и русские — говорится в «Туркестанском сборнике», — живут мирно и дружно, и киргизы относятся к русским переселенцам с нескрываемой симпатией»⁴. Связи киргизского и русского народов складывались и на основе сотрудничества, вопреки воле царизма и эксплуататоров, разжигавших национальную рознь. Если эксплуататоры — царские колони-

¹ З. Ш. Раджабов. Навеки вместе с великим русским народом. Душанбе, 1968, стр. 13.

² П. П. Семенов. Поездка из укрепления Верного через Горный перевал Суюк-Тюбе и ущелье Баум к западному окончанию озера Иссык-Куль. Туркестанский сборник, т. XV, стр. 178.

³ В. Вошинин. Очерки нового Туркестана. СПб., 1914 стр. 58.

⁴ Русские самовольные переселенцы в Туркестане. Туркестанский сборник, т. 522, стр. 128.

заторы и представители местной феодальной знати — стремились использовать народные бедствия в целях своего обогащения, беспощадно закабалили бедняков в трудные годы неурожаев, массового падежа скота, пользуясь их безвыходным положением, то киргизские и русские люди труда бескорыстно помогали друг другу¹. В дореволюционном Киргизстане в условиях эксплуататорского общества годы народных бедствий и страшных лишений были частым явлением. И только взаимная поддержка русских и киргизских трудовых масс, их совместная борьба против бедствий в какой-то мере помогали преодолевать несчастья и облегчали трудности.

Угнетательская политика царизма и местной феодальной знати объективно способствовала более тесному сближению киргизских и русских трудящихся. Они испытывали тяжелый гнет помещиков и капиталистов, у них были общие враги в лице царской власти и местных феодалов. Все это объединяло киргизский и русский народы. Однако до Октябрьской революции, в условиях господства царских колонизаторов и местной феодальной знати, это сближение происходило медленно, стихийно и трудно.

Многолетний опыт славной истории совместной жизни с русским народом наглядно и убедительно показывает неоценимое значение дружественных связей киргизского народа с русским и другими братскими народами. Мы должны дорожить этой дружбой, возникшей в мрачные годы двойного гнета и превратившейся в цементирующую и непреодолимую силу в совместной борьбе против царского самодержавия и местной феодальной знати за новую свободную жизнь. Она крепла и закалялась в героические дни Великой Октябрьской социалистической революции и в огне гражданской войны. Наш долг — беречь и хранить ее как зеницу ока, как самое дорогое.

* * *

Большую роль в развитии дружественных отношений между киргизами и русским народом, в пробуждении трудящихся Киргизии к политической жизни и приобще-

¹ З. Ш. Раджабов. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954.

нии к всероссийскому революционному движению сыграли русские политические ссыльные — социал-демократы и большевики. Они беспрестанно разоблачали эксплуататоров, указывали коренному населению пути к социальному и национальному освобождению. Эти люди вели революционную пропаганду, распространяли прокламации, листовки, воззвания и литературу, создавали нелегальные социал-демократические кружки и организовывали группы РСДРП. Они руководили борьбой трудовых масс против царского самодержавия и местных угнетателей.

Революционная деятельность русских социал-демократов вызывала тревогу и опасения у местных представителей царской власти. Генерал-губернатор Туркестанского края в своей памятной записке вынужден был подчеркнуть, что с присоединением Туркестана к России «сюда двинулось немало не желательных и вредных для общественного спокойствия элементов. Вместе с этим туземцы не остаются равнодушными к широко разлившейся волне революционной пропаганды и общего понижения чувства нравственности, законности и порядка. Благодаря всему этому число преступлений политического и общеуголовного характера заметно увеличилось, а с этим вместе усилилась и работа полиции»¹. Побывав в Семиреченской области, в частности в Пишпеке, генерал-губернатор с сожалением отмечает, что «много испорчено в корне... уездные начальники считают, что среди русского населения много распушенных и даже преступных»². Да, действительно были все основания бить тревогу. И в самом деле здесь имелось «немало нежелательных и вредных» для царизма элементов.

Одним из первых русских социал-демократов в Туркестане являлся друг Карла Маркса, ученик и последователь Н. Г. Чернышевского Герман Александрович Лопатин, сосланный сюда в 1879 г. царским правительством. В 90-х годах прошлого столетия здесь находились и вели нелегальную революционную работу политические ссыльные В. Корнюшин, А. Бахарев, С. Иванов, М. Леонов и др. С. Иванов и М. Леонов раньше были членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», основанного и руководимого В. И. Лениным.

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1683, л. 250.

² Красный архив, 1929, № 3 (34), стр. 60

Число политических ссыльных резко возросло в начале XX в., особенно после подавления студенческих волнений в крупных промышленных городах России¹. Политическая работа социал-демократов Киргизии, направленная против царского самодержавия, приобрела заметный размах в годы первой русской революции.

Пропагандой идей марксизма-ленинизма занимался большевик Иван Степанович Свинухов. Он вместе с членом РСДРП Федором Егоровичем Панфиловым вел революционную работу в Пишпеке, организовал социал-демократический кружок, в котором принимали активное участие некоторые рабочие города, особенно чернорабочие магазина компании «Зингер». Несмотря на жестокие репрессии со стороны царского правительства, И. С. Свинухов не прекращал своей политической деятельности в Пишпеке. К революционной работе имели отношение учителя А. В. Русиков, А. Н. Бабкин, А. Д. Колесников и др. В годы столыпинской реакции на юге Киргизии, в частности среди шахтеров Кызыл-Кия и Сулюкты, развернули пропаганду против царского самодержавия социал-демократы М. П. Недопасов, З. Кадыров, забойщики Капинов, Бондарь, Насонов, Д. Т. Деканов².

Как известно, в Семиреченской области вступил в революционное движение и наш земляк, выдающийся партийный и военный деятель Советского Союза М. В. Фрунзе. С середины 1907 г. в Семиреченской области активно действовал член Новомаргеланской группы РСДРП политический ссыльный Аксентович. По его инициативе в г. Верном устраивались «митинги и собрания, на которых произносились антиправительственные речи»³. Он вместе с другими большевиками поднимал городские низы на открытую борьбу против царизма, выдвигал политические требования. На одной из демонстраций ее участники несли красные флаги, пели революционные песни. Но эта демонстрация потерпела неудачу. Ее организатор Аксентович был привлечен «к ответственности за политическое преступление»⁴.

¹ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 17, 26—27.

² В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. Фрунзе, Киргизгосиздат, стр. 30—37, 1962.

³ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 29, д. 1669, л. 10—11.

⁴ Там же.

Заслуживает внимания политическая работа, проводимая в городах. Пишпек и Верном группой верненских социал-демократов. Во второй половине 1905 г. и начале 1906 г. в Верном действовала группа революционно настроенных людей в основном из числа местной интеллигенции. В нее входили учитель Глебов, фельдшер Якушев, кондуктор Бессарабский, инженер Димо, гимназисты Юдин, Иванов, Стромиллов и др. Некоторые из них имели значительный революционный опыт и неоднократно подвергались репрессиям со стороны царского правительства. Так, Димо участвовал в революционном движении в Петербурге и отбыл «тюремное заключение за пропаганду в войсках»¹. Они вели пропаганду «в низших слоях общества»², собирали деньги «в пользу борцов за свободу и на вооружение»³ восстания, организовали забастовку и митинг, призывали трудящихся Семиречья к открытому выступлению, получили самодельные бомбы и другое оружие, которое распределили между надежными людьми. Они составляли и распространяли нелегальные прокламации, «порицающие действия правительства и призывающие население и нижних чинов на борьбу за свободу, к вооруженному сопротивлению»⁴.

Как видно из постановления полицмейстера г. Верного от 10 марта 1906 г., их деятельность вызвала волнение среди крестьян Пишпекского уезда⁵. Эти товарищи подготовили и провели ряд митингов и забастовок в г. Верном, поддерживали связь с организациями РСДРП Петербурга, Оренбурга и других городов. Оттуда им присылали листовки, петиции, антиправительственную литературу.

Хорошими пропагандистами революционных идей были учитель Глебов и фельдшер Якушев. Они, в частности, разоблачали антинародную земельную политику царизма в Пишпекском уезде. Не случайно в секретном донесении исполняющего обязанности Туркестанского генерал-губернатора от 19 октября 1905 г. о Глебове говорится как «об одном из главных агитаторов среди на-

¹ Там же. д. 323, л. 118—119.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

селения г. Пишпека и прилегающих к нему селений, возбудившего недовольство жителей на аграрной почве»¹. Глебов и Якушев проводили беседы с крестьянами на политические темы и распространяли среди населения запрещенные листовки и прокламации. Представители местной власти установили строгий надзор и постоянную слежку за деятельностью революционеров. Царские сыщики и полицейские буквально неотступно ходили по их следам. Но «все меры полиции... не увенчались успехом, народ продолжал собираться на сходки, а Якушев беседовать с ним о манифесте и петициях, о крестьянских нуждах»². Благодаря усилиям Глебова и Якушева после неоднократных попыток 6 августа 1905 г. была созвана сходка крестьян Пишпека и прилегающих к нему селений. Крестьяне, собравшиеся на эту сходку, выработали и отправили петицию на имя императора о крестьянских нуждах. Однако вскоре Глебов и Якушев были арестованы и заключены в тюрьму. Мировой судья первого участка Пишпекского уезда обвинил Глебова и Якушева в том, что они «своими действиями выбили народ из колеи обычной жизни, который, собираясь на сходки и обсуждая свои нужды, нарушал правильное течение жизни, нарушал порядок»³. Неудача постигла и их верненских товарищей, которые также оказались за царской решеткой, а многие были высланы в 1906 г. за пределы Семиреченской области «как лица, заявившие о себе вредной противоправительственной деятельностью»⁴. Но ни аресты, ни ссылки, ни нагайки царских карателей не могли приостановить политическую работу русских революционеров в Киргизии.

Говоря о роли русских социал-демократов в приобщении трудящихся Киргизии к революционной борьбе, нельзя забывать о Василии Особо и Ильине. Солдат В. Особо до высылки в Ош работал на железной дороге в Маргелане, где и образовал социал-демократический кружок. Его ближайшим другом стал солдат-железнодорожник Ильин. В работе кружка активное участие принимали техники-железнодорожники Леонтьев и По-

¹ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, д. 279, л. 21.

² Там же, л. 13.

³ Там же, л. 12.

⁴ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, д. 323, л. 118—119.

ляков, фельдшеры Лазарев и Марков, солдаты Андреев, Козленко, Серадзский, Павлов и другие из железнодорожного батальона. Они изучали запрещенную литературу, беседовали с рядовыми, распространяли нелегальные издания и устраивали митинги. Для ведения занятий в кружке приглашали учителей и гимназистов старших классов. Деятельность кружка была «направлена к сплочению солдатских масс и подготовке их к решительному моменту разрушения самодержавно-бюрократического режима»¹. В. Особо и руководимый им кружок были связаны с социал-демократами Маргелана, Коканда, Ташкента и Петербурга. Необходимую «для распространения, — сказано в записке начальника штаба Туркестанского военного округа от 27 января 1907 г., — среди нижних чинов литературу В. Особо получил из Петербурга и Ташкента через посредство лазаретного фельдшера Маркова и техника Николая Леонтьева»². Социал-демократы Маргеланского железнодорожного батальона организовали библиотеку, состоящую из 400 неофициальных изданий. Она находилась в квартире социал-демократа Ольги (ее фамилия не указана в источнике). В. Особо, Ильин и другие члены кружка старались поднять солдат и трудящихся Маргелана на открытое «движение, направленное к ниспровержению существующего государственного и общественного строя России»³. Однако их действия не увенчались успехом. Царские сыщики напали на след и этих социал-демократов. В конце 1906 г. В. Особо и Ильин были высланы из Маргелана в г. Ош. Но и здесь они не прекратили политической работы, сразу установили тесные связи с солдатами ссыльной роты, находившейся в Оше, развернули среди них революционную пропаганду. В. Особо и Ильин продолжали поддерживать тесный контакт с социал-демократами Маргелана и других городов. Поэтому местное начальство обратилось к военному губернатору Ферганской области с просьбой удалить из пределов Ошского уезда Ильина и Особо. В конце января 1907 г. в Оше в квартирах подозреваемых производился обыск. Ильин и другие социал-демократы были арестованы, а рота расформирована.

¹ Там же, оп. 1, д. 372, л. 8—9.

² Там же.

³ Там же, л. 9.

Русские социал-демократы проводили революционную пропаганду и в сельской местности, среди трудового крестьянства. Так, Е. Романенко и другие рассказывали крестьянам селений Беловодское и Карабалты о Кровавом воскресении, о первой русской революции, распространяли антиправительственную литературу, устраивали сходки сельского населения. На одной из таких сходов Е. Романенко заявил, что «царя России не надо... Все скоро будет по-нашему, а не как требует начальство... Скоро не скоро, а мы свое возьмем»¹. Он также читал крестьянам революционные листовки. В одной из них говорилось, что «когда народ шел с хоругвями к государю, то он велел стрелять в народ»². Своими смелыми революционными действиями Е. Романенко завоевал уважение и авторитет у местных крестьян. «На сельском сходе,—сообщает беловодский участковый пристав начальнику Пишпекского уезда в своем секретном донесении от 15 июля 1907 г., — Романенко держит себя полным хозяином и по его требованию общество делает что угодно»³. Крестьяне скрывали его от царских преследователей, помогали ему.

Велась и атеистическая пропаганда. В марте 1907 г. в Пржевальске помощник учителя (фамилия и имя его не упоминаются в источнике) говорил на уроке ученикам, чтобы закон божий не учили, что креститься не следует, свечей в церкви ставить не нужно и денег на храм давать тоже не нужно, что «все это — торговля и один обман»⁴. Епископ Туркестанского края не без основания, конечно, в действиях помощника учителя видел «дерзкое посягательство на исконные устои русского самодержавного государства... шатание умов... и угрожающую опасность»⁵. Как и следовало ожидать, царское правительство поспешило уволить его с работы и строго наказать.

В годы столыпинской реакции в результате массовых арестов и тяжелых репрессий политическая работа в Киргизии, направленная против царского самодержавия и местной феодальной знати, временно прекратилась. Но она

¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, л. 5953, л. 9.

² Там же.

³ Там же, л. 6.

⁴ Там же, ф. 76, оп. 2, д. 32, л. 75—76.

⁵ Там же.

возобновилась с новой силой в первые же годы революционного подъема.

В 1911 г. среди трудящихся Пржевальска значительная работа революционного характера проводилась Василием Ивановичем Давыдовым, высланным сюда царским правительством из Рыбинского уезда за антиправительственные действия¹. В г. Пишпек в это время (1911—1913 гг.) действовали два социал-демократических кружка, руководимых активным участником первой русской революции И. С. Свинуховым и ветеринарным врачом Воскресенским. В работе кружков деятельное участие принимали политический ссыльный чернорабочий Коротков, кровельщик Стражинский, каменщик Трусов и др. К 1913 г. «социал-демократы Пишпека целиком стали на большевистские позиции»². Революционеры тайно собирались в квартире И. С. Свинухова и Воскресенского, обсуждали политические вопросы, резко критиковали существующий строй и намечали планы революционной пропаганды среди городского, сельского населения и солдат. Они распространяли революционную литературу, получаемую ими из Верного, Ташкента и Петербурга³.

Революционная работа в Семиреченской области заметно усилилась в 1913 г., после приезда из Петербурга большевика П. М. Виноградова, высланного за революционную деятельность. Теперь местные большевики окончательно отделились от эсеров и под руководством П. М. Виноградова создали свою самостоятельную подпольную группу⁴.

По утверждению старейшего шахтера Киргизии Степана Романовича Лабунца, работавшего на каменно-угольных коях Кызыл-Кия с 1908 г., революционная работа среди рабочих горнорудной промышленности была тесно связана с именами Родионова и его товарищей Солнышко и Ядренкина. В 1916 г. в Кызыл-Кия возникла социал-демократическая группа. Ею руководил

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 830, л. 7.

² Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 149—150.

³ Там же.

⁴ Б. Д. Джамгерчинов. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 124.

активный участник революционного выступления бакинских нефтяников Родионов, скрывавшийся здесь от преследования царского правительства. В нее входили Солнышко и Ядренкин, вернувшиеся из сибирской ссылки. Эта группа объединяла свыше 20 передовых рабочих рудника Кызыл-Кия. Они выдвигали экономические и политические требования. Члены группы обычно тайно собирались у Родионова и беседовали до глубокой ночи, обсуждая социальные и политические вопросы¹.

Русские социал-демократы проводили определенную политическую работу среди киргизского трудового населения. Их революционная деятельность давала себя знать в таких отдаленных глухих высокогорных местностях, как Нарын и Атбаши, не говоря уже об оседлых и в некоторой степени кустарно-промышленных районах. Прокурор Верненского окружного суда в своем секретном донесении от 15 ноября 1913 г. сообщает министру юстиции, что Кузьма Бондарев в своем доме в селе Нарын устраивает ночные сборища местных сартов и киргиз и пропагандирует на этих сборищах неповиновение властям. Бондарев внушает киргизам Атбашинского участка, что подати с них областная администрация взыскивает в больших, чем то в действительности требуется государством, размерах и убеждает податей поэтому не платить. «Причем эта пропаганда,— подчеркивает он далее,— среди киргиз Исенгуловской волости нашла благоприятную почву»². Действительно, революционная пропаганда русских социал-демократов находила «благоприятную почву» среди коренного населения, доведенного до нищеты и разорения местной феодальной знатью и царизмом. Трудящиеся киргизы принимали русских революционеров как долгожданных дорогих гостей, относились к ним как к близким друзьям и слушали их беседы с большим вниманием. Бедняки-киргизы им глубоко верили и выражали свою готовность идти за ними на открытую борьбу за светлую и справедливую жизнь.

Общение с представителями русского пролетариата

¹ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Ошской области. Собрал Н. Замятин. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519(4), стр. 41—44.

² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 863, л. 112—113.

и социал-демократами, среди которых были опытные и закалённые революционеры, безусловно, оказало большое прогрессивное влияние на классовое и политическое самосознание рабочих из коренного населения, а также на трудовых дыйкан.

Значительную роль в пробуждении киргизского народа к политической жизни и приобщении к всероссийскому революционному движению сыграли русские трудовые переселенцы. Они продолжали в новых условиях борьбу за землю, против кулаков. Сенатор К. К. Пален, внимательно изучивший политическое положение населения Туркестана, вынужден был отметить, что антиправительственная деятельность русских рядовых крестьян-переселенцев «в высокой степени усложняла и без того нелегкую задачу администрации — поддерживать в области спокойствие и порядок и мало-помалу подрывала в глазах инородческого населения высокий авторитет русской власти»¹. Как утверждает бывший батрак, член КПСС с 1918 г. Жаныш Жаныбаев, крестьянин села Куланак Митрофан рассказывал киргизским батракам о революции 1905—1907 гг., её социальной сущности и участии в ней крестьян. Из этих бесед они узнали об антифеодальных выступлениях русских крестьян, уничтожении повстанцами хозяйств помещиков и борьбе отдельных сельских смельчаков за свои человеческие права. Митрофан живо и в увлекательной форме вёл разговор о В. И. Ленине². Он был желанным гостем рядовых киргизов Куланака и некоторых других айлов Пржевальского уезда. Своими рассказами о смелых выступлениях крестьян против помещиков в России он побуждал киргизскую бедноту подниматься на борьбу против феодального гнёта и колониальной политики царизма.

Под влиянием могучей русской революционной волны, докатившейся до далекой, глухой Киргизии, под воздействием марксистско-ленинской идеологии появляются

¹ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910, стр. 23.

² Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал С. Аттокуров. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз, ССР, инв. № 1519(10а), стр. 67—69.

и революционеры-киргизы. Киргиз Табылды Жукеев—Пудовкин Александр Александрович, работая на среднеазиатской железной дороге, прошел большую революционную школу. Став в 1905 г. членом РСДРП, он принимал самое активное участие в подпольной работе революционеров Ташкента, Кызыл-Арвата и Красноводска. Его кипучая энергия, беспредельная страсть служить рабочему классу и преданность своему делу особенно ярко проявились в период революции 1905—1907 гг. в Туркестане. Он с честью выполнил ряд ответственных и вместе с тем опасных поручений партии. Табылды Жукеев (А. А. Пудовкин) не только участвовал в революционных выступлениях ташкентских рабочих, но и нередко руководил ими. За революционную деятельность он неоднократно подвергался арестам и репрессиям. Царское правительство приговорило его к смертной казни, но затем заменило казнь каторжными работами сроком на 15 лет. Табылды Жукеев не прекращал своей политической работы и в тюрьме. Не теряя времени, он наладил связь с членами РСДРП и продолжал выполнять партийные поручения. Жукеев не мог мириться с положением, которое сковывало его кипучую энергию. Неоднократно пытался бежать из заключения, но неудачно. В лице Жукеева—Пудовкина царизм видел опасного врага, поэтому в мае 1909 г. Ташкентский окружной суд приговорил его к тридцати годам каторжных работ. Табылды, скованный в тяжелые стальные кандалы, прошел длинный и мучительный путь узника. Он побывал в тюрьмах Нижегородска, Саратова, и Варшавы. Но ни кандалы, ни пытки царских палачей не могли сломить негибаемой воли революционера. Он по-прежнему верил в победу революции и жаждал служить ей до конца своей жизни. Только Февральская революция освободила его из заключения. Жукеев—Пудовкин сразу после освобождения включился в революционную борьбу пролетариата Ботгородского уезда Московской губернии против Временного правительства. Сражался на Кавказском, Восточном и Туркестанском фронтах за установление и упрочение Советской власти.

Из среды киргизского народа выходят и другие рево-

¹ В. Н. Семенов. Борец за народное дело (Т. Жукеев — А. А. Пудовкин). Фрунзе, Киргосполитиздат, 1963.

люционеры. Мамбетжан Карачов, родившийся в 1882 г., рассказывает, что в Аджинской волости Пржевальского уезда царское правительство арестовало батрака Акбаева, предъявив ему политическое обвинение. В 1904 г. его отправили в Петербург. Здесь в тюрьме Акбаев познакомился с русскими социал-демократами и под их влиянием вступил в члены РСДРП. Во время Кровавого воскресенья и последующих революционных выступлений он находился в Петербурге. Вернувшись на родину, Акбаев рассказал своим землякам о героическом революционном выступлении петербургского пролетариата, царе-палаче и о защите интересов угнетённых наций большевистской партией. Но вскоре он был снова арестован за «политическую ненадёжность» и сослан в далёкую Сибирь. Оттуда Акбаев вернулся лишь в 1914 г. и продолжал революционную пропаганду среди коренного трудового населения Атбаши¹.

За активное участие в революционных выступлениях на юге Киргизии в 1905 г. был репрессирован и Чоко Мендеев. Находясь в тесном общении с русскими политическими ссыльными, он посещал подпольный социал-демократический кружок, в котором изучали нелегальную литературу и проводили беседы на политические темы. В 1908 г. Ч. Мендеев вернулся из заключения на родину².

К числу революционно настроенных лиц можно отнести и Кутмана Катаганова — жителя Тюпской волости Пржевальского уезда. Царская власть считала его политически неблагонадёжным. В мае 1908 г. он был взят под надзор полиции³.

Выдающегося акына-демократа Токтогула Сатылганова, чьё имя бесконечно дорого и близко каждому киргизстанцу, тоже по политическим мотивам сослали в Сибирь на каторгу. В своих стихотворениях он рассказывает, что на него большое революционное влияние оказали русские политические ссыльные. Ему нравились простота, искренность, мужество и самоотверженность

¹ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал Дж. Аманалиев. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), стр. 23—24.

² Там же, стр. 24—25.

³ ЦГА Уз. ССР, ф. 461, д. 76, л. 3.

русских политзаключенных. В них он нашел искренних друзей, с ними можно было сердечно поговорить и поделиться самыми сокровенными мыслями. Он вместе с русскими революционерами провел десять лет тяжелой каторжной жизни в суровой Сибири. Эти годы для Токтогула стали большой политической школой. Он научился разбираться в сложной социальной и политической обстановке того времени.

Русские революционеры организовали Токтогулу побег, помогли вернуться к своему народу.

* *
*

Большую роль сыграли передовые представители русского народа в распространении нелегальной революционной литературы и бессмертных марксистско-ленинских идей в Средней Азии, в частности в Киргизии. Приветствуя трудящихся нашей республики в связи с празднованием юбилея 100-летия добровольного вхождения Киргизии в состав России, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР отмечали, что «под влиянием тесного общения с русским народом и особенно передовыми представителями российского рабочего класса в среду киргизского народа стали проникать революционные идеи»¹. В конце XIX — начале XX вв. в Туркестане стали распространяться труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также другие революционные книги, брошюры, журналы, газеты, воззвания, прокламации и листовки, звавшие трудящихся на решительную борьбу с царским самодержавием и местными угнетателями².

У многих русских революционеров, живших в Туркестане, царская полиция обнаружила труды К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии», «Капитал», «Революция и контрреволюция в Германии», «Первый манифест международного товарищества рабочих», «От утопии к научной

¹ Большой праздник всех братских народов нашей страны. ЦК КП Киргизии Верховному Совету Киргизской ССР, Совету Министров Киргизской ССР. «Правда», 1963, 31 октября.

² З. Ш. Раджабов. Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции (1905—1907 гг.). Душанбе, 1970.

теории» (так называлась тогда работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»), «Анти-Дюринг», «Теория насилия» и др.¹ Передовая, революционно настроенная часть трудящихся Средней Азии читала произведения В. И. Ленина «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «К деревенской бедноте»², «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Гонители земства и анинбалы либерализма» и т. д.³ Были известны здесь работы Г. В. Плеханова «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»⁴. Распространялись «Извещения о втором очередном съезде РСДРП»⁵ и материалы III съезда РСДРП⁶. В Туркестане получали большевистские периодические издания: «Заря», «Просвещение», «Вопросы страхования», «Искра», «Рабочая мысль», «Вперед», «Южный рабочий», «Пролетарий», «Борьба пролетариата», «Правда», «Социал-демократ»⁷, «Наш путь», «За правду», «Труд» и др. Однако в рабочую среду проникала и литература, чуждая марксизму-ленинизму, например: эсеровские брошюры «Долой полицию», «Вторая воля», прокламация «Что делать?» и книги, принадлежавшие народникам, меньшевикам и экономистам⁸.

Кроме трудов марксизма-ленинизма и нелегальных периодических изданий здесь распространялось большое количество революционных листовок, воззваний и прокламаций, призывавших трудовые массы к свержению царского самодержавия. («К товарищам рабочим», «Лис-

¹ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 89, 155.

² Там же, стр. 89.

³ А. Алтмышбаев. К истории борьбы КПСС за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. Фрунзе, 1960, стр. 5—6; Б. Д. Джамгерчинов. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 115—116.

⁴ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 89.

⁵ А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958, стр. 81—86.

⁶ В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. Фрунзе, 1962, стр. 24.

⁷ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 47—48, 62, 146—147, 152, 154—155.

⁸ А. В. Пясковский. Указ. работа, стр. 81—86.

товки жизни», «Ко всем европейским рабочим г. Екатеринбург», «Революционные сходки», «Манифест Всероссийского студенческого съезда 1902 г.», «Товарищи»¹, «Первое мая», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Товарищи рабочие», «Война или мир», «Царский подарок и революция», «К товарищам солдатам», «В бою за свободу», «Будьте готовы»², «К учащейся молодежи»³, «9 января»⁴, «Солдатская памятка»⁵, «К верненцам»⁶, «Солдаты к солдатам»⁷, «Товарищи солдаты»⁸, «Манифест Всероссийского крестьянского союза», «Песня новобранцев», «Годовщина манифеста 17 октября», «Народ и государственная власть», «Народу от народных представителей», «Выборгское воззвание»⁹, «К избирателям», «Солдатский голос», «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум»¹⁰. «Письмо русских крестьян к Николаю II», «Граждане г. Верного» и «О разгоне 2-ой Государственной думы»¹¹).

Большая часть революционной литературы и листовки, получившие распространение в Туркестане, принадлежали Петроградской, Закавказской, Казанской и другим организациям РСДРП. В условиях царского самодержавия, когда везде и всюду рыскали царские сыщики и велась тщательная проверка, пересылка и переправка нелегальной литературы в далекий Туркестан представляли для революционеров не только большую трудность, но и риск. По этой причине не всегда нелегальная литература доходила до места назначения, что подрывало революционную работу. Поэтому русские революционеры в Туркестане организовали ряд подпольных типографий, которые печатали нелегальные листовки, а также переиздавали литературу, получаемую из Петербурга и других промышленных городов. В период первой русской

¹ А. В. Пясковский. Указ. работа, стр. 81—86.

² Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 37, 42, 57—58, 60—61.

³ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 63.

⁴ Там же, л. 71 (11).

⁵ Там же, л. 57 (2).

⁶ Там же, л. 59 (4).

⁷ Там же, л. 84 (23).

⁸ Там же, л. 58 (3).

⁹ Там же, д. 800, л. 42—43.

¹⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. 77, оп. 2, д. 163, л. 1.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 350, д. 800, л. 42—43.

революции здесь действовало семь таких типографий (в Ташкенте, Ашхабаде, Верном и некоторых других городах Средней Азии). Особенно активно действовала типография «Союзного комитета», т. е. Ташкентской группы РСДРП. Только за первый год своего существования она издала десятки названий гектографированных прокламаций общим тиражом 12500 экземпляров и перепечатила более десяти листовок центральных органов партии. Кроме того, в сентябре 1905 г. ею была выпущена гектографированная газета «Рабочий», являвшаяся первым нелегальным органом Ташкентской группы РСДРП¹. В 1908 г. в этой типографии печатались прокламации (всего 35100 экземпляров) и газета «Солдатский листок "Правды"» общим тиражом в 20 тыс. экземпляров. В 1913 г. выпускались газеты «Наш путь» и «Ташкентский рабочий», перепечатывались «Правда» и журнал «Просвещение», являвшиеся органами Центрального Комитета партии большевиков².

В распространении революционной литературы, в частности прокламаций, воззваний и листовок, в Киргизии существенную роль играла подпольная типография Семиреченской группы РСДРП³. Эта типография была организована в начале 1906 г. в г. Верном. Она стала выпускать большое количество различных прокламаций, газету «Обстрел», листовки, получаемые из других промышленных городов. Тираж ее продукции был довольно большой. Достаточно сказать, что газета «Обстрел» — орган Семиреченской группы РСДРП — выпускалась в 4100 экземплярах⁴, прокламации «О разгоне 2-ой Государственной думы» — в 2000, «Песня новобранцев» — в 1000, «Выборгское воззвание» — в 2000, «Эх, пора бы, братцы...!» и «Солдатский голос» — в 500, «К избирателям» — в 1600 и «Письмо крестьянина к Николаю II» — в 700 экземплярах⁵.

¹ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 42, 62.

² Там же, стр. 90, 94, 152, 154.

³ Листовки издавались от имени социал-демократов и эсеров в связи с вхождением тех и других в группу РСДРП, хотя и действовавших самостоятельно.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 41—42.

⁵ Там же.

На след подпольной типографии Семиреченской группы РСДРП напали царские сыщики, и ей приходилось часто менять свое местопребывание. 22 августа 1907 г. ее обнаружила жандармерия. Тогда она находилась на загородной даче учителя Верненской мужской гимназии Лебедева. Типография была разрушена, а ее шрифт (весом в 47 фунтов и 76 золотников) и все принадлежности изъяты полицией. Царские власти арестовали наборщика Кузьму Левинского, учителей Марию Филиппову и Дмитрия Туполева и некоторых других активных участников в работе типографии. Семиреченская группа РСДРП приняла все меры к восстановлению типографии. В ночь на 24 августа 1907 г. членам группы К. Артемову, Ф. Рабочих, Е. Родионовой, Г. Трейблюту, Аксентовичу¹ и другим удалось тайно вынести из типографии Семиреченского областного правления шрифт в количестве около двух пудов, марзаны, реглеты и другие необходимые для печатания принадлежности². На следующий же день, т. е. 25 сентября, был выпущен очередной, 6-й, номер газеты «Обстрел»³.

Революционные периодические издания и прокламации, отпечатанные в подпольных типографиях, а также получаемые от центральных организаций РСДРП, распространялись и в Киргизии.

Во второй половине 1903 г. в городах Пишпек и Пржевальске появились листовки и брошюры, отпечатанные в типографии Бакинского комитета РСДРП. В доставке и распространении этих листовок и брошюр большое участие принимали В. И. Лойцнер, высланный из Саратова в Пржевальск за пропаганду революционных идей⁴ и рабочие пишпекского цирка И. И. Пономарев и Алейников. В. И. Лойцнер «вел активную пропаганду революционных идей среди местного населения» Пржевальского уезда⁵. Но царская охранка, следившая за ним, вскоре заметила его революционную работу. Он

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 863, л. 29.

² Там же, д. 800, л. 48.

³ Там же.

⁴ А. В. Пясковский. Указ. работа, стр. 85.

⁵ В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, стр. 20—26.

был арестован и через некоторое время выслан в Олонецкую губернию.

В 1904 г. представители трудящихся г. Пишпека получили прокламацию «Пауки и мухи», выпущенную Бакинским комитетом РСДРП. Но царская полиция выследила И. П. Пономарева¹, который распространял ее.

Пересылка нелегальной литературы и прокламаций в Киргизию и их распространение активизировались в годы первой буржуазно-демократической революции. Листовка № 3 «К учащейся молодежи» призывала трудящихся к общей борьбе против царского самодержавия: «Вперед же, соединяйтесь и дружнее все вместе к народу, с народом и за народ, за его лучший мир и свякую свободу»².

Осенью 1905 г. в Семиреченской области, в частности в городах Верном и Пишпек, читалось стихотворение «9 января». В нем выражался народный гнев по поводу зверской расправы царской власти над мирными демонстрантами — рабочими Петербурга:

Перед пышным дворцом мы появились вновь,
День близок кровавой расплаты,
За кровь трудовую — невинную кровь.
Что брызнула в эти палаты.
И дико толпа заревела кругом,
Вверх вскинув рабочие руки,
Клялась биться насмерть с венчанным врагом,
За кровь отомстить и за муки.

Тот рев по стране прокатился волной,
Набатов отдался в народе,
В столицах, в глуши, в деревеньке родной
Раба пробудил он к свободе.

И Красное знамя взвилось как маяк,
Звучат марсельезы напевы.
Студент бросил книги, рабочий — верстак,
И пахарь забросил посевы.

И ширится мощное войско, растет,
Зловеще рокошет, как море,
Могучим прибоем на приступ идет

¹ Там же.

² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 63.

О горе вам, изверги, горе,
Страшись, трепещи, венценосный палач,
Проклятьем страны заклеменный,
Заране конец свой ужасный оплачь,
Уж мститель идет разъяренный.

Забросьте ж работу, учение, семью.
Под красное знамя идите.
И смертью отважной в жестоком бою,
Народу свободу купите.

Проклятье и смерть самодержавцам-отцам,
Свободу родному народу.
И вечная слава героям-борцам,
Погибшим в борьбе за свободу¹.

Все чаще сюда проникали революционные прокламации. Командующий войсками Туркестанского военного округа, обеспокоенный увеличением количества нелегальной литературы в подведомственном ему крае, в своей телеграмме от 16 октября 1905 г. писал, что в г. Верном и других местах «разбросана масса прокламаций... возбуждающих против царя и к сопротивлению начальству с оружием в руках... и требующих присоединиться к агитации **пишпекских крестьян**»² (выделено нами. — К. У.). Эти листовки разбрасывались революционно настроенными жителями Пишпека.

В листовке «К верненцам», выпущенной Семиреченской группой РСДРП в середине октября 1905 г., разоблачалась реакционная сущность политики царского правительства. «Царское правительство, — читаем в ней, — старается заткнуть рот всякому, кто только вздумает вымолвить слова правды, чтобы народ вечно оставался темным и невежественным, чтобы вечно можно было бы его обирать и властвовать над ним... Царское чиновничье правительство довело Россию до позорной войны и невыносимыми поборами и налогами разорило народ, обратив крестьян в нищих. Внутри России царь безжалостно, зверски приказывает расстреливать несчастный рабочий люд за то, что тот требует себе земли, отданной царем помещикам, хлеба, чтобы не умереть с голоду, и воли, которой у него нет»³.

В той же листовке с большевистских позиций критико-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 78 (12)—79 (13).

² Там же, ф. 391, оп. 3, д. 279, л. 26.

³ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 59 (4).

валась первая Государственная дума. Она охарактеризовалась как орудие в руках царского правительства для обмана трудящихся и маскировки подлинного лица правящей верхушки, во главе которой стоял самодержавный царь. В листовке говорилось, что «вместо выборных от всего народа будут в Думе представители от богачей — фабрикантов, купцов да помещиков, представителей от крестьян соберется очень мало, а от рабочих и совсем не будет. Почему же так выйдет? А вот почему. Царю известно, что депутаты от крестьян потребуют отобрать земли у помещиков (царь сам первый помещик, так как владеет громадными имениями), потребуют образования, уравнивания их прав со всеми другими сословиями. Рабочие тоже не отстанут в желании улучшить свою невыносимую жизнь, а царь всего этого не желает. Поэтому и дал он право голоса имеющим большое преимущество, чтобы в Думе было как можно менее выборных от бедноты, а уже депутаты-богачи вместе с царем сумеют позаботиться о своих выгодах»¹.

Эта листовка призывала местных трудящихся бойкотировать первую Государственную думу и бороться за «созыв учредительного собрания на основе всеобщего прямого и тайного избирательного права. Избирательное право, т. е. право избирать всеобщим (голосованием. — К. У.), чтобы каждый достигший совершеннолетия, будь он богатый или бедный, знатный или простой, образованный или неграмотный, **русский или иноплеменник** (выделено нами. — К. У.), мужчина или женщина могли подавать голос, могли избирать... Будем требовать не только всеобщего, но и равного избирательного права. Избирательное право должно быть также прямым, это значит подавать голос за того, кого мы желаем выбрать в депутаты в учредительное собрание. Мы же, чтобы избирать депутата, который бы защищал наши интересы, будем требовать со всеми трудящимися людьми прямого голосования... Наконец, избирательное право должно быть тайным, чтобы подавались голоса записками в закрытых конвертах и чтобы никто не знал, за кого каждый подал свой голос... Нам нужна свобода слова, чтобы передать свои мысли многим людям, чтобы открывать всем злоупотребления царя и чиновников. Необходима свобода

¹ Там же.

печати. Ничего подобного не существует и не может существовать при самодержавии»¹.

Листовки звали верненцев присоединяться «к российским и **пишпекским** (выделено нами. — К. У.) крестьянам, рабочим и образованным людям»², поднявшимся на революционную борьбу против угнетателей и объявившим бойкот первой Государственной думе. Эта листовка заканчивалась боевым партийным лозунгом «Долой самодержавное царское правительство!»³. Таким образом, большевики боролись за политические права угнетенных народов, в том числе киргизов и казахов, за их социальную и национальную свободу. Это помогало большевикам завоевывать доверие и авторитет трудящихся коренного населения, вовлекать их в общероссийское революционное движение и вести все угнетенные народы вместе с героическим русским пролетариатом на решительную борьбу против местных и царских эксплуататоров.

Большой интерес представляет прокламация Туркестанского военного социал-демократического комитета «Солдаты к солдатам», получившая распространение среди рядовых военнослужащих Верного и Пишпека осенью 1905 г. Она проникнута революционным духом и желанием бороться за народное дело: «Всех нас душит начальство, всех нас душит нужда. Мы все живем впроголодь, всем нам жить не вмоготу. Крестьяне и рабочие бунтуют, они не в силах больше терпеть. Они требуют свободы, равенства, требуют земли, хлеба, чтобы не умереть с голоду. Начальство, богачи в страхе, но у них есть пока защита, это мы — солдаты. Мы же бьем тех крестьян, у которых царь и помещики отняли землю, тех рабочих, которые добывают целые миллионы для хозяев и гроши для себя... Мы убили тысячу рабочих. 9 января пролили много невинной крови... Нас обманывают. Мы должны защищать не царя, а народ от царя, не богачей и кровопийц, а крестьян и рабочих. Мы — великая сила — только служим негодяям. Примкнем же к народу, объясним друг другу, что нас обманывают... Добьемся для всех свободы. Мы — сила, когда дружно откажемся

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, л. 223, л. 59 (4).

² Там же.

³ Там же.

стрелять в народ. С нами рабочие, с нами крестьяне! В наших руках оружие! Вперед же, товарищи!»¹

Та же прокламация другого выпуска призывает: «Братцы, товарищи, проснитесь! Проснитесь и посмотрите, чего хотят и просят ваши отцы и братья. За что они терпят казацкие нагайки, драгунские шашки и солдатские пули... Мы с вами, дети народа. Братья наши работают на фабриках и заводах, отцы и матери справляют крестьянскую работу в родной деревне. Тяжела их трудовая жизнь... Разоренный крестьянин пухнет с голоду, а правительство тянет с него полностью выкупные платежи... Слыхали ведь, как наш главнокомандующий бежал из Пишпека от безоружной толпы, пришедшей сказать ему, как начальнику края, о своих нуждах. Мало того... он еще туда (в Пишпек. — К. У.) послал казаков из Джаркента и охотничью команду из Верного... Кто посмеет о горе народном заикнуться, тот и бунтовщик, враг внутренний, на которого посылает силу солдатскую. Проснись же, товарищ солдат, проснись! Разве ты не слышишь, как плачет в твоей деревне мать твоя. Такой же солдат, как и ты, убил ее мужа и кормильца — твоего отца... Плачут твои братишка с сестренкой. Такой же солдат, как и ты, убил их отца и мать. Стонут в цепях твои кронштадтские товарищи, закованные за то, что пошли за народ. Плач стоит над землей русской и в нем, солдат, народ тебя зовет на помощь. Проснись же, товарищ солдат, от этого стоны, откликнись на этот зов!

Посмотри на свою жизнь! Тебе запрещают бывать на собраниях, потому что там говорят о нужде народной и начальство твое боится, что дрогнет твое солдатское сердце. Тебе запрещали бывать в воскресной школе, так как начальство твое боится света и хочет держать тебя в темноте, чтобы не понимал ты горя народного... И выходит, что внутренний враг — царское правительство, богачи да наши офицеры, что теснят и грабят меньшего брата: тебя, солдат, твоего брата-рабочего да твоего отца-крестьянина... Надо понимать народную нужду, бороться за нее и умереть, если надо. Вперед же без страха, солдат! Крепче сжимай ты винтовку в руке, целься вернее, товарищ солдат!»²

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 64.

² Там же, 84 (23).

В октябре 1905 г. в Пржевальске и Верном была найдена листовка «Товарищи солдаты»¹. В ней тоже содержался призыв к солдатам присоединиться к революционной борьбе рабочих и крестьян. «Смелей, товарищи! — обращался к солдатам Туркестанский военный социал-демократический комитет, — стойте дружно за правое дело, и вы одержите верх»².

В первой половине 1906 г. в г. Верном «по некоторым селениям Пржевальского уезда Семиреченской области и в самом г. Пржевальске получили широкое распространение прокламации, запрещенные брошюры, революционные газеты и другие нелегальные издания революционного содержания»³. На большинстве распространяемых листовок, воззваний стоял гриф Семиреченской группы РСДРП. Активным распространителем нелегальных изданий был житель г. Верного Павел Мапунцин, впоследствии арестованный полицией⁴.

В 1906 г. трудящиеся Верненского, Пржевальского и других уездов Семиреченской области читали нелегальную газету «Обстрел»⁵. На ее страницах Семиреченская группа РСДРП призывала трудящихся и солдат объединиться на всеобщую борьбу и идти единым фронтом против царского самодержавия во имя свободы и счастья народов. В третьем номере газеты напечатана статья «Солдатский голос». Ее автор, обращаясь к рабочим и крестьянам, спрашивает: «Не пора ли проснуться и мощным взмахом своих богатырских рук сбить вековые цепи, освободить весь народ и себя от гнева проклятых насильников?»⁶ А в статье «Разгон Думы», помещенной в четвертом номере газеты, подчеркивалось, что «только дружными и объединенными усилиями народа и армии страна освободится от тяжелого ига самодержавного помещичьего правительства»⁷. Статья «Казачья правда» из того же номера заражает местных трудовых казаков революционным огнем: «Встанем, братья, как один человек, сбросим с себя ярмо, наложен-

¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 77, оп. 2, д. 163, л. 1.

² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 58 (3).

³ Там же, д. 863, л. 13.

⁴ Там же, д. 800, л. 41—42.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 42.

⁷ Там же.

ное большими и малыми начальниками, завоюем себе правду, землю и свободу»¹.

Как сообщает начальник Пржевальского уезда в своем секретном рапорте на имя военного губернатора Семиреченской области, в ноябре 1906 г. на улицах г. Пржевальска было обнаружено несколько экземпляров «Выборгского воззвания»². Его распространяли Даниил Яковлев и другие революционно настроенные местные жители. «Выборгское воззвание» посылалось в Пржевальск и по почте³. Даниил Яковлев получал революционную литературу не только из Верного, но и из Ташкента. В мае 1906 г. житель с. Беловодское Пишпекского уезда Евгений Романенко, «собрав вокруг себя на улице толпу крестьян, стал читать им какую-то прокламацию, в которой говорилось, что народ шел с хоругвями к государю, а он велел в народ стрелять... Государь всю землю для себя собрал»⁴. В секретном донесении Беловодского участкового пристава от 15 июня 1907 г. подчеркивается, что Е. Романенко усиленно ведет антиправительственную пропаганду⁵. Он получил также нелегальные газеты и брошюры, с содержанием которых знакомил местное трудовое крестьянство⁶.

Небезынтересными являются воззвания Семиреченской группы РСДРП «К избирателям» и «Народу от народных представителей», в которых разоблачается антинародная сущность первой и второй Государственных дум, содержатся призывы как к русскому, так и к другим народам к борьбе за политические права. В одном из этих воззваний говорится: «Граждане должны мешать плану изменников и палачей и выбирать тех, которые будут твердо стоять за дело свободы, за интересы трудящихся масс, за землю и волю, тех, наконец, которые непоколебимо потребуют для всех граждан общего без различия пола, вероисповедания и **национальности** (выделено нами. — К. У.) избирательного права,

¹ Там же.

² ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 5954, л. 7—8.

³ Там же, л. 8.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 933, л. 61.

⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2, д. 5953, л. 6—7.

⁶ Там же.

полной власти для народа, т. е. учредительного собрания»¹.

Такие воззвания встречались и на севере Киргизии, в частности в некоторых селениях Пржевальского уезда и в самом Пржевальске². В декабре 1908 г. в Пишпек были разбросаны листовки, призывающие трудящихся и солдат к вооруженному восстанию против царского самодержавия³.

Противоправительственных листовок (так их называла царская власть) было в Киргизии довольно много. В мае 1907 г. в одном только Пржевальске обнаружили 16 экземпляров прокламации «Эх, пора бы, братцы, взяться вам за ум!»⁴ и другие листовки. Если учесть, что в руки царской полиции попадало лишь небольшое количество запрещенной литературы, то станет ясно, как много делали социал-демократы для распространения революционных идей в далекой колониальной Киргизии.

Русским революционерам в Киргизии приходилось работать в очень трудных условиях, на пути проникновения марксистско-ленинской идеологии стояли большие препятствия. Это прежде всего объяснялось отсталостью края в экономическом, политическом и культурном развитии, неразвитостью промышленности, малочисленностью рабочих, по существу сплошной неграмотностью коренного населения и основных масс русских переселенцев, национальными и религиозными предрассудками, отдаленностью Киргизии, слабостью связи ее с центром и неудовлетворительным состоянием средств передвижения. Нельзя не согласиться с А. А. Алтымышбаевым, что «в силу общей экономической, политической и культурной отсталости киргизского народа идеи марксизма-ленинизма распространялись тогда (до Октябрьской революции. — К. У.) главным образом среди русских рабочих, революционных крестьян, передовых представителей интеллигенции и части киргизских рабочих-железнодорожников, а также отдельных акынов-демократов, непосредственно испытывших влияние рус-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 44.

² Там же, л. 43.

³ Там же, д. 780, л. 22.

⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. 77, оп. 2, д. 163, л. 1.

ских революционеров... Основная трудящаяся масса местного населения — дехкане и скотоводы — близко ознакомилась с идеологией марксизма-ленинизма в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Киргизии»¹. Эти трудности усугублялись еще тем, что основная масса коренного населения не владела или совсем слабо владела русским языком, а русские революционеры не могли вести пропаганду на киргизском языке. Мало того, на киргизском языке вообще не имелось литературы. Что касается революционеров-киргизов, которые могли бы нести идеи марксизма-ленинизма в гущу своего народа, то их насчитывалось буквально единицы. Поэтому революционная работа охватывала в основном русское, особенно городское, трудовое население. Но, несмотря на все эти величайшие трудности, светлые идеи марксизма-ленинизма пробивали путь и доходили к коренному трудящемуся населению, среди которого находили благоприятную социальную почву.

* * *

С вхождением в состав России киргизский народ, как и все другие угнетенные народы национальных окраин, узнал две России: Россию русского революционного пролетариата и трудового крестьянства и Россию царизма. Если первая несла дружбу, братство, равенство и свободу, то вторая — тяжелый колониальный гнет, несправие, разорение и нищету².

Царизм, будучи угнетателем и палачом русского народа, проводил по отношению к национальным меньшинствам еще более жестокую политику. Известное определение В. И. Ленина, что царская Россия являлась «тюрьмой народов», особенно ярко подтвердилось отношением царизма к трудовому народу Средней Азии, в том числе и Киргизии.

В Киргизии было введено новое административное устройство, которое, по выражению В. И. Ленина, было

¹ А. Алтмышбаев. К истории борьбы за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. Фрунзе, 1960, стр. 5—6.

² З. Ш. Раджабов. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954.

образцом средневековых, крепостнических, казенно-бюрократических административных делений¹. Оно было создано царским правительством по принципу колониального управления. Проводя свою колониальную политику, царизм опирался на вооруженную силу с одной стороны и на местную феодальную верхушку — с другой. Царские чиновники быстро нашли общий язык с местными угнетателями и привлекли их на помощь, чтобы держать трудовой народ в повиновении. Царское правительство предоставляло им привилегии, поддерживало их произвол и насилия над трудящимися. Народные же массы были лишены элементарных человеческих прав. Полицейский произвол принял здесь наиболее разнузданные формы. Киргизы, как и другие национальные меньшинства, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям. Стремясь отвести от себя гнев русских трудящихся и не дать объединиться угнетенным народам, царизм сеял и разжигал вражду между ними. Царское правительство официально называло киргизов «иногородцами», «кара-киргизами», т. е. «черными киргизами», и старалось воспитывать презрение и ненависть к ним со стороны русского населения.

Царизм намеренно закреплял в Киргизии патриархально-феодальный гнет, чтобы удобнее было эксплуатировать массы. Всемерно поддерживались пережитки патриархально-родового быта: калым, кун, многоженство, знахарство и т. п. Царское правительство не хотело и думать о развитии культуры киргизского народа. Наоборот, его представители всячески старались держать местное население в темноте и невежестве. До Октябрьской революции в Киргизии не было ни административных, ни культурно-просветительных учреждений, работавших на родном языке.

Наиболее разорительной для местных трудящихся являлась земельная политика. Земля в Киргизии, как и во всех колониальных окраинах царской России, считалась государственной собственностью и находилась в полном распоряжении правительства. Начиная с 80-х годов прошлого века, царизм проводил переселение крестьян и кулаков для предотвращения растущей аграрной революции в центре и создания в лице кулаков-переселенцев опоры русского самодержавия на окраинах.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 24. стр. 147.

У дыйкан Киргизии отнимались лучшие земли и передавались кулакам-переселенцам. Трудовые массы киргизов насильно сгонялись с лучших земель и уходили в горы. У них изымали не только пашни и сенокосы, но и пастбища. В результате колонизаторской земельной политики царизма значительная часть киргизских дыйкан лишилась своей земли и была вынуждена работать на очень тяжелых условиях у местных феодалов и у русских кулаков в качестве батраков.

В кочевых и полукочевых районах Киргизии традиционные маршруты кочевников были нарушены. При устройстве русских переселенцев царское правительство не учитывало особенностей и состояния хозяйственной жизни местного населения. Переселенцы часто расселялись в предгорьях, в местностях, лежащих между зимовками и летними выпасами скотоводческих хозяйств, что мешало установленному распорядку жизни скотоводов.

Земельная политика царизма в Киргизии, как и всюду, проводилась не в интересах широких масс русского народа, в частности безземельных переселенцев, а в интересах господствующих классов помещиков и капиталистов. По своему социальному составу русские переселенцы не были однородными, определенную часть их составляли кулаки, которым отводились лучшие земли, изъятые у коренного населения. Но большинство переселенцев состояло из бедноты, не имевшей у себя на родине ни клочка земли. Царское правительство не уделяло ей внимания и не оказывало помощи. Крестьяне-переселенцы не всегда могли хорошо устроиться на новых местах, где лучшие земли были уже захвачены казаками и кулаками. Поэтому нищавшие и разоренные крестьяне, не имея возможности обзавестись хозяйством на новом месте, нередко вынуждены были возвращаться в Россию, где русские крестьяне и рабочие тоже страдали от гнета, нужды и несправедливости. Царское самодержавие стремилось превратить окраины в свои сырьевые базы и рынок сбыта. Царизм сознательно тормозил рост промышленности в Киргизии, насильно удерживая ее в роли поставщика сырья. Киргизия поставляла шерсть, кожу, хлопок и другое сырье для российской промышленности.

Киргизия была не только сырьевой базой, но также источником финансовых доходов царского правительства. Оно облагало коренное население и русских переселен-

цев разными налогами. Трудящиеся несли ряд натуральных и денежных повинностей. Кроме того, царская власть сохранила некоторые виды податей, существовавшие раньше, в пользу местной феодальной знати, в частности волостных управителей и аильных старшин.

В результате двойного гнета трудящиеся Киргизии были разорены, владели жалкое существование, жили в темноте и невежестве. Тяжелое положение трудящихся усугублялось такими стихийными бедствиями, как джуг и засуха. Народ находился под постоянным страхом неурожая, падежа скота и голода. Среди местного населения свирепствовали туберкулез, трахома, оспа, тиф и другие заразные болезни, уносившие тысячи человеческих жизней. Киргизский народ был обречен на неимоверные страдания и вымирание.

Двойная эксплуатация, непомерные налоги, всевозможные поборы и бесправное положение вызвали возмущение простого народа, негодование против местной феодальной знати и царского самодержавия.

Под влиянием революционных выступлений пролетариата рабочие коренного населения стали подниматься на борьбу против капиталистического и колониального гнета. 17 сентября 1885 г. в сорока верстах от Пенджикента киргизы, работавшие в Залесских каменноугольных коях, выступили против представителей самодержавия. Причиной выступления явились тяжелая эксплуатация и постоянное издевательство со стороны владельца копей. Рабочие-киргизы (43 человека) избили штейгера и нескольких надсмотрщиков. К ним присоединились 22 рабочих-узбека. Выступление было подавлено, а его участники жестоко наказаны¹. И хотя оно закончилось поражением, но явилось первым проявлением открытой борьбы рабочих коренной национальности против капиталистической эксплуатации и одним из звеньев неразрывной цепи общереволюционного процесса в России.

Приобщение трудящихся Киргизии к революционной борьбе русского пролетариата ярко проявилось в годы первой русской буржуазно-демократической революции. Как указывал В. И. Ленин, революция 1905—1907 гг. окончательно разбудила Азию. Народные массы «просну-

¹ ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. часть, 1886 г., д. 118, л. 1—2.

лись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹.

«Пролетарское движение, — отмечал Владимир Ильич, имея в виду начало первой русской революции, — все ширится, раскинувшись теперь по самым далеким окраинам. Брожение и недовольство охватывает самые разнообразные и самые отсталые слои общества»². Под непосредственным влиянием первой русской революции социальное и национальное движения в Киргизии принимают небывалый размах, меняются их классовая природа, цели и задачи. Теперь они вступают в новый исторический этап, приобретают иную форму, меняют свой характер и становятся составной частью всероссийского революционного организма, сердцебиение которого стало четко слышно во всех национальных окраинах, в том числе и Киргизии.

Революционное движение в Киргизии началось среди горняков. В 1905 г. шахтеры Кызыл-Кия, поднявшись на борьбу против капиталистического гнета, выдвинули такие же политические и экономические требования, как и рабочие центральных промышленных городов, выступавшие в период первой русской буржуазно-демократической революции: повышение заработной платы, отмена штрафов, установление восьмичасового рабочего дня, свобода слова и собраний³.

Волна всероссийской стачки почтово-телеграфных работников прокатилась и по Средней Азии, в том числе и Киргизии. Стачка работников связи Туркестанского края началась 17 ноября 1905 г. и продолжалась до 3 декабря. Активное участие в ней принимали почтово-телеграфные служащие городов Пишпека, Пржевальска и ряда селений Киргизии⁴. Стачечники не выходили на работу в течение 15 суток. Почтово-телеграфная связь между городами и населенными пунктами Туркестанского края была прервана. Представители царской власти оказались изолированными друг от друга. Но стачка не увенчалась успехом. Наиболее активные ее участники

¹ В. И. Ленин. ПСС., т. 23, стр. 146.

² Там же, т. 9, стр. 249.

³ В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, стр. 22.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1289, оп. 8, д. 122, л. 21.

подверглись репрессиям и денежным штрафам, а многие были уволены с работы¹.

Вспыхнуло восстание также среди военнослужащих Туркестана. 15 ноября 1905 г. солдаты из Ташкентской военной крепости открыто выступили против царского самодержавия. Организаторами и вдохновителями восставших были представители Ташкентской группы РСДРП. «Причины описанных беспорядков, — читаем в представлении прокурора Ташкентского окружного суда от 16 ноября 1905 г., — с точностью еще не выяснены, но есть основание предполагать, что возникли они вследствие политической агитации крайних революционных партий, анкеты которых были замечены в крепости среди солдат при самом возникновении беспорядков»². Восставшие, захватив оружие, с криками «ура», «долой самодержавие!» бросились к крепостной стене³. Повстанцы убили наиболее ненавистных офицеров. На требование начальников карательных отрядов «прекратить беспорядок и выдать оружие нижние чины отвечали отказом и выстрелами»⁴. Восставшие оказывали героическое сопротивление. Многие из них пали в неравном бою и лишь некоторые оказались в руках царских карателей⁵. Это выступление нашло живой отклик среди гарнизонов других городов края, в том числе и Пишпека.

В ночь на 3 апреля 1906 г. поднялась часть трудящихся Пишпека. Местная власть оказалась не в состоянии справиться с восставшими. Она обратилась по телеграфу с просьбой к военному губернатору Семиреченской области прислать помощь. Возмущенные и негодующие повстанцы напали на городскую почтово-телеграфную контору, выбили окно и сломали столик для наматывания ленты. Но выступление не приняло широкого размаха и не увенчалось успехом⁶. В первой половине и середине 1907 г. в г. Верном прошли митинги, на которых «произносили противоправительственные речи»⁷, демонстрации с красными флагами, песнями⁸. Все

¹ ЦГИАЛ, ф. 1289, оп. 8, д. 122, л. 18—26.

² Там же, ф. 1405, оп. 500, д. 223, л. 81 (20).

³ Там же, л. 80 (19).

⁴ Там же, л. 80 (19) — 81 (20).

⁵ Там же.

⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 38, л. 34.

⁷ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 29, д. 1669, л. 1, 14.

⁸ Там же, л. 1—14.

это не могло не оказать влияния на настроение и политическое положение трудящихся Северной Киргизии.

Первая русская буржуазно-демократическая революция привела в движение не только рабочих, городские низы и солдат, но и трудовое крестьянство Средней Азии. 6 августа 1905 г. в Пишпеке состоялась городская сходка, в которой принимали участие сотни безземельных русских переселенцев и представители трудовых дыйкан. Ее организаторами были учитель Глебов и фельдшер Якушев. Выступления на сходке отличались острым антифеодальным тоном, присутствующие осуждали колониальную политику царского правительства и требовали земли. Они приняли петицию на имя императора, в которой говорилось о невыносимом экономическом и политическом положении русских трудовых переселенцев. Однако в петиции еще чувствовалась вера в «царя-батюшку» и надежда улучшить положение крестьян с его помощью. Но все же в целом она была проникнута ненавистью возмущенных и негодующих крестьян к кулакам-землевладельцам и чинам переселенческого управления. В ней выдвигались революционные требования наделения крестьян землей, уменьшения налогов, уравнивания прав всех социальных сословий, введения всеобщего бесплатного обучения, свободы слова, печати, собраний и союзов, немедленного созыва «народных представителей на основе всеобщего, равного и тайного голосования»¹ и т. д. Через некоторое время инициаторы сходки Глебов и Якушев были арестованы, им было предъявлено политическое обвинение. Значительные революционные волнения в Пишпеке происходили также 22 октября и 8 ноября 1905 г. Нет необходимости на них останавливаться, так как они нашли отражение в некоторых ранее вышедших работах². Революционное движение усилилось до такой степени, что Пишпекский уезд, как и некоторые другие районы Семиреченской области, с конца 1905 г. оказался на положении «усиленной охраны». В сентябре 1906 г. чрезвычайная охрана была введена и в Ферганской области, куда входила Южная Киргизия³.

¹ А. В. Пясковский. Указ. работа, стр. 160—161.

² Там же, стр. 241—242; В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, стр. 25—26.

³ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 1382, л. 13.

Первая русская революция всколыхнула и трудовое коренное население. Развертывавшаяся в России и в самой Киргизии революционная борьба русского пролетариата, трудового крестьянства и солдат оказала существенное влияние на трудящихся окраин. Киргизский народ, как и все другие угнетенные народы царской России, выступил против местной феодальной знати и самодержавной власти.

В ноябре 1905 г. дыйкане 3-го аила Кугартской волости Андижанского уезда оказали смелое сопротивление вооруженным русским кулакам, явившимся к ним, чтобы отнять пахотные земли в местности Ягач-Курган. Несмотря на угрозы насильников, киргизы не прекратили борьбы против кулаков¹. В выступлении принимало участие более ста человек. Наиболее активными были Токто Алдиев, Пирмат Кулубаев, Калча Иманкулов и др.

16 июля 1907 г. дыйкане Сарыбагышевской волости Пишпекского уезда восстали против захвата их земли царскими властями. Они «явились к юрте землемера-топографа Ивашкевича, работавшего в этой волости, принудили его прекратить работы и удалиться»² за пределы волости. Вскоре выступило трудовое население Нарынского участка Пржевальского уезда. Коренные жители этого участка заявили представителям царизма, что они им «не дадут свою землю... хотя пусть их расстреляют»³. Заведующий Нарынским переселенческим районом вынужден был отступить. 20 июля 1907 г. он писал: «Противопереселенческое настроение быстро растет и крепнет. Теперь моим служащим многие киргизы говорят, что скоро представителей переселенческого дела всех выгонят из степи... Надо считать, пребывание переселенческих чинов среди сильно возбужденного населения не вполне безопасно»⁴. А киргизы Джуван-Арыкской и Кочкорской волостей Пржевальского уезда «отказались дать сведения о цене зимовок и других построек, предположенных к сносу»⁵.

Открытое выступление против колониальной власти

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 19, д. 26086, л. 281.

² Там же, ф. 1, оп. 13, д. 608, л. 1.

³ Там же, ф. 7, д. 43, л. 121; д. 5039, л. 108.

⁴ Там же, д. 5039, л. 108.

⁵ Там же.

и ее социальной опоры — местной феодальной знати — произошло 5 июня 1909 г. в урочище Сонкуль. Более 30 человек, руководимых Алыбаем и Майлыбаем Есентаевыми, Джунусом Койкельдиным, Жаныке Бериковым и Нуралы Мураталиным, внезапно, с угрожающими криками ринулись к столу, за которым сидели начальник Атбашинского участка и податный инспектор Пржевальского уезда, проверявшие посемейные списки кибитковладельцев¹. Царские чиновники, а также волостной писарь и три джигита Джуван-Арыкского волостного управителя были избиты киргизами. Официальные представители власти «вынуждены были прекратить выполнение возложенных на них законом служебных обязанностей»² и с позором покинуть Сонкуль. Наиболее активные участники столкновения были строго наказаны царизмом и высланы в Акмолинскую область сроком на пять лет. По мнению военного губернатора Семиреченской области, «подобная суровая мера безусловно необходима для примера на будущее время»³.

Однако никакие жестокие меры не могли помочь царизму удержать трудящихся в повиновении и покорности. Не случайно тот же военный губернатор Семиреченской области, столь много надеявшийся на силу наказания, вынужден был констатировать, что «жизнь в степях усложняется и поводов к недоразумениям благодаря переселенческому вопросу, связанному с земельными стеснениями на киргиз, становится год от года все больше. В течение только что совершенной мною поездки по Верненскому и Пржевальскому уездам я имел возможность неоднократно убеждаться в том, что озорство киргиз за последние годы усилилось»⁴.

9 сентября 1909 г. произошло выступление в Ошской городской тюрьме. Оно было вызвано «жестоким обращением с арестантами начальника тюрьмы»⁵ и надзирателей, а также жуткими условиями в тюремных камерах. Вместо 60 человек, на которых была рассчитана тюрьма, в ней помещалось 115 заключенных. Иначе

¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 759, л. 37.

² ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1390, л. 3.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же, л. 9—10.

⁵ Там же, д. 1392, л. 33.

говоря, царизм превратил тюрьму в душегубку в полном смысле слова. Ее обитатели были осуждены на медленную смерть. Но арестанты не стали с этим мириться. Русские, узбеки и киргизы, мучившиеся за решеткой; спаянные единой целью и общностью судьбы, поднялись на борьбу за свободу. Голыми руками, без оружия, они бросились на врагов. Объектом их гнева стали 4 царских надзирателя и 6 охранников. Однако это смелое, но замкнутое и локальное выступление арестантов, не имея связи и поддержки со стороны окружающего населения, потерпело неудачу. В жестокой схватке было убито 10 человек и 9 ранено¹.

Царское правительство, как всегда, жестоко расправилось с бунтовщиками. Оно организовало специальный временный военный суд в Оше. 11 человек было приговорено к смертной казни через повешение, а 19—к каторжным работам сроком от 6 до 20 лет². Среди получивших суровое наказание были киргизы Кюккозов из киштака Мункатай Араванской волости, Маткеримов и Абдрахманов из киштака Ханавата и др.³

* * *

Столыпинская реакция, свирепствовавшая по всей стране, отрицательно сказалась на ходе и размахе революционного движения в Киргизии. Но она не сломила и не могла сломить боевой дух русского и других народов. С 1910 г. начинается революционный подъем не только в центре России, но и на ее окраинах.

В Киргизии, как и по всей стране, временное торжество контрреволюции приходило к концу. Медленно, но неуклонно возрождалось революционное движение рабочих и трудового крестьянства. Оно, как и раньше, охватывало и солдат.

В 1910 г. началась забастовка на каменноугольных копях Сулюкты⁴. В ней участвовали и шахтеры Кызыл-Кия. Забастовщики требовали увеличения заработной платы. Народные волнения произошли в Оше⁵. В август-

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 1392, л. 8—11.

² Там же, л. 34.

³ Там же, л. 41.

⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 37, л. 5.

⁵ В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, стр. 33.

те 1912 г. забастовали шахтеры каменноугольных копей Шураба. Но эта забастовка была подавлена, а требования ее участников о повышении зарплаты рабочим остались без внимания. Наиболее серьезную забастовку организовали в октябре того же года шахтеры Кызыл-Кия. Забастовщики, руководимые И. И. Едренкиным, не выходили на работу. На 15 дней замерла трудовая жизнь на шахте. В конце концов было удовлетворено основное требование бастовавших о повышении зарплаты¹. В августе 1914 г. вновь забастовали шахтеры каменноугольных копей Сулюкты — русские и киргизы², узбеки и татары. Забастовщики дружно выступили против произвола и насилия владельца сулюктинских копей. Интернациональная солидарность и революционный дух шахтеров отмечены в воспоминаниях участника этой забастовки А. Г. Калашникова. «На шахте, — рассказывает он, — работали русские, татары и киргизы. Управляющий разжигал национальную рознь, хотел заставить нас драться. Но однажды мы все вместе — и киргизы, и татары, и русские — не выдержали издевательств хозяина, пошли и избили его»³.

Вслед за рабочим классом в революционную борьбу втягивались рядовые военнослужащие. В конце марта 1911 г. произошло волнение среди казачества станицы Николаевской Пржевальского уезда. В его возникновении немалую роль сыграл социал-демократ А. В. Русиков. В декабре того же года волнениями были охвачены нижние чины военнослужащих Верного⁴. В конце июля 1914 г. выступили запасные нижние чины Пишпека. Они категорически отказались служить «государю и отечеству»⁵ и требовали выдать их семьям пособия. Местное военное командование отказалось удовлетворить требование запасных, надеясь на заранее вызванный кара-

¹ Там же, стр. 33—34.

² ЦГА Уз. ССР, ф. 18, оп. 3, д. 99, л. 5; ф. 1, оп. 2, д. 10534, л. 163; Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, Госиздат Уз. ССР, 1958, стр. 167.

³ Цит.: Х. М. Мусин. Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии. Тр. Пржевальского учительского ин-та им. Г. М. Димитрова, вып. 1, 1962, стр. 52.

⁴ В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, стр. 34.

⁵ Там же, стр. 40.

тельный отряд, в который входил взвод солдат 20-го Туркестанского стрелкового полка, и местную полицию. Вскоре на помощь прибыла новая группа стрелков, вызванная дополнительно местной властью. Но принятые меры не помогли царским служакам «усмирить» это выступление. Запасные разогнали подводы, на которых должны были отправиться на фронт. К ним присоединились другие запасные солдаты, прибывшие из ближайших волостей Пишпекского уезда. В течение 2 дней военному начальству не удавалось отправить запасных в назначенное место. Выступление в известной степени объяснялось революционной пропагандой, проводимой членом пишпекской социал-демократической группы Н. Лозовым. Но все же оно не увенчалось успехом, 29 июля его инициаторы и активные участники были арестованы. А. Луцаев, С. Емцов, С. Крюков были приговорены к пожизненным каторжным работам, а остальные сурово наказаны¹.

Революционный подъем не миновал и русских трудовых крестьян-переселенцев. Нередко народный гнев против царского самодержавия проявлялся в действиях отдельных смельчаков. 4 марта 1911 г. крестьянин Узгенской волости Андижанского уезда Семен Оставов на допросе у окружного суда назвал участкового пристава кровопийцей. Он не признал власти ни уездного начальника, ни царя и категорически отказался подчиняться им². В тюрьме Семен Оставов объявил голодовку, предпочтя голодную смерть издевательствам царских чиновников, и скончался 17 марта после тринадцатидневной голодовки³.

30 марта 1910 г. крестьянин села Алексеевского Вознесенской волости Пишпекского уезда М. П. Носов публично назвал императора и царских чиновников врагами народа⁴, а житель села Токмака К. П. Коваленков 25 ноября 1910 г. сорвал со стены портрет царя и швырнул его на пол⁵. 22 октября 1911 г. Михаил Даньшин проклинал царя и его слуг. О представителях местной власти он

¹ В. Н. Семенов. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, стр. 40.

² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 35.

³ Там же, л. 36.

⁴ Там же, д. 780, л. 19.

⁵ Там же, д. 800, л. 23; д. 830, л. 27.

сказал, что все они «продажные шкуры», «собаки и собакам служат»¹. 30 января 1915 г. крестьяне с. Беловодское Пишпекского уезда Севостьянов, Андреев, Корнилов и Смирнов были арестованы за открытое осуждение царского правительства и за оскорбления «царствующего имени»².

Борьба трудящихся против царского самодержавия продолжала усиливаться. Только в одной Ферганской области, куда входила Южная Киргизия, в 1913 г. были арестованы по политическим обвинениям «за проступки против порядка управления» 316 человек, а в следующем году — 576 человек³.

Революционные выступления обострились в период империалистической войны. В результате технико-экономической отсталости, измены некоторых высокопоставленных лиц и ряда генералов царская армия терпела поражение за поражением. Она отступала с большими потерями. Геройство и отвага русских солдат не могли поправить положения на фронте. Неважно обстояло дело и в тылу. Война подрывала экономическую жизнь страны. Началась хозяйственная разруха. Одни за другими закрывались заводы и фабрики, а действующим промышленным предприятиям не хватало сырья и рабочих рук. Из-за отсутствия угля и горючего с перебоями работали железные дороги, постепенно был парализован весь транспорт. Сократились посевные площади, было мало хлеба, а цены на продовольствие и промтовары быстро росли. Война принесла трудящимся голод, разорение, неисчислимые бедствия. Жизненный уровень народа снизился до минимума. Капиталисты же и помещики баснословно наживались на народной нужде и военных поставках. Резко усилился колониальный гнет. Недовольство и ненависть к войне носили всеобщий характер. Народный гнев и негодование, переходившие нередко в открытые выступления, вспыхивали то в одном, то в другом районе Киргизии.

9 марта 1914 г. произошло выступление в селении им. Палена Пржевальского уезда. Оно было направлено против земельной политики царского правительства и но-

¹ Там же. д. 800, л. 12.

² Там же. д. 910, л. 12.

³ С. Х. Генкузен. Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Скобелев, 1917, стр. 115.

сило аграрный характер. Крестьяне «оказали сопротивление властям, не допустив их к реквизиции находившегося у них леса»¹. Это выступление приняло настолько серьезный характер, что начальник уезда вынужден был обратиться к военному губернатору Семиреченской области с просьбой «выделить пулеметчиков для усмирения крестьян»². Конечно, военный губернатор, не меньше боявшийся народного гнева, не оставил без внимания просьбу пржевальского уездного начальника. Выступление было жестоко подавлено, а 85 человек подверглись репрессиям.

Активными участниками волнения в с. Преображенском Пржевальского уезда 28 марта 1916 г. стали женщины-крестьянки, недовольные «повышением цен на промышленные товары»³. Около 300 человек собрались на базарной площади села. Они потребовали от местных купцов отворить лавки, которые были «заперты из опасения, вызванного поведением крестьянок, приходивших за покупками»⁴.

Торговцы, испугавшись негодования и возмущения женщин, вынуждены были искать защиты у старосты села, к которому пришли и женщины, настаивавшие на том, чтобы лавки были открыты. «Ввиду угрожающего поведения толпы»⁵, торговцы заперлись в доме старосты. Женщины же, вернувшись на базарную площадь, разгромили лавки и растащили товары. Царское правительство безжалостно расправилось с участницами выступления. Оно не считалось ни с возрастом, ни с состоянием здоровья женщин. 27 из них с 41 ребенком были посажены за решетку, среди женщин были беременные и больные. Дети тоже болели трахомой, чесоткой, оспой и коклюшем. Положение арестованных было ужасным: в тюрьме, рассчитанной на 35 человек, находилось 163 заключенных⁶.

Под влиянием русского пролетариата и крестьян-переселенцев коренное население снова поднялось на революционную борьбу. 2 марта 1911 г. выступили дыйкане

¹ В. Н. Семенов. Указ. работа, стр. 38.

² Там же.

³ ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 521, л. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 14; д. 1897, л. 25—27.

аила № 4 Кугартской волости против кулаков-переселенцев, пытавшихся насильно занять их пахотную землю. 157 дыйкан напали на царских представителей. Но безоружные и неорганизованные смельчаки не смогли отстоять свои земельные участки и изгнать насильников. Асылбек Мирсеитов, Кунанбай Кулчаев, Тепей Чабаев и Каип Назаров погибли в неравной борьбе с царскими колонизаторами, а Ботокан Токтоканов, Босун Бекбаев и Орозалы Болумбеков получили тяжелые ранения¹.

Летом 1912 г. произошло столкновение между коренным населением Чаткала и группой статистиков переселенческого управления. Чаткальцы прогнали царских землемеров, не дали им возможности выявить «излишние земли» у киргизов для изъятия в пользу переселенческого фонда. В октябре 1914 г. против переселения и произвола царских чиновников выступили кочевники аила № 6 Кенгольской волости Аулие-Атинского уезда. Однако и это выступление не увенчалось успехом. Оно было быстро подавлено царским карательным отрядом, а его активные участники взяты под стражу².

Осенью 1915 г. поднялись киргизы Шакратминской волости под руководством Мамат Суранчиева. Они требовали наделения землей. Колониальные власти отказались удовлетворить эти требования, и восставшие убили одного из царских чиновников. Из числа восставших 9 человек сослали в Сибирь на каторжные работы, откуда впоследствии вернулись только трое, а остальные пропали без вести³.

Нередко скотоводы и земледельцы отказывались давать представителям царской власти статистические сведения о составе семьи, наличии скота, размере земельных угодий и т. п., уклонялись от уплаты государственных налогов и податей.

Ненависть к «государю» все более открыто стали выражать и трудящиеся коренной национальности. Дыйканин Карабалтинского сельского общества Чотур Каюп-куранов был приговорен к месячному тюремному заклю-

¹ Меджитов. Восстание киргизов в 1916 г. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 137, стр. 62—63.

² В. Н. Семенов. Указ. работа, стр. 35, 41.

³ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал Дж. Аманалиев. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (11), стр. 5.

чению за «дерзкое оскорбительное выражение» в адрес императора¹. 31 декабря 1910 г. подобное обвинение предъявлялось жителю Оша Рахматулле Абдул-Вагапову, который вскоре оказался за решеткой². 4 сентября 1912 г. дыйканин кыштака Даркан Андижанского уезда Аскарбай Сатымбаев при разборе его дела с гневом сказал об императоре: «Какой он царь, когда отбирает земли у своих подданных»³. А в конце марта 1912 г. житель кыштака Базар-Курган Маргеланского уезда Чолпонкуль Джумашев прямо заявил, что «при деньгах и умении закон белого царя ничего не стоит, и нельзя верить в русский (царский. — К. У.) суд, которому грош цена»⁴. Царя он назвал покровителем жуликов и грабителей народа.

* * *

Революционное движение русского пролетариата и трудового крестьянства оказало значительное воздействие на социальное движение в среде киргизского народа, разбудило не только политическое, но и классовое самосознание трудового коренного населения. Усилилась классовая борьба, изменилась её социальная сущность. Возмущение и негодование трудящихся киргизов, выливающиеся в открытые выступления, теперь стали обычными явлениями.

Как было отмечено современником в «Известиях Русского географического общества», «Букара (простонародье. — К. У.) начинает поднимать свою голову, разгибать согбенную выю и пытаться сбросить манапское иго»⁵. «За последнее время, — пишет другой русский исследователь Д. Федоров, — вся масса киргиз подразделилась на два класса: состоятельных баев, джикшыларов и бедноту — джатаков и кара-букару... Интересы этих двух экономических классов совершенно противополож-

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 31, л. 154, л. 2—3.

² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, л. 800, л. 5.

³ Там же, л. 830, л. 61.

⁴ Там же, л. 12; д. 863, л. 53.

⁵ О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне (из жизни Семн-речья). Изв. Русск. геогр. о-ва, т. XII, вып. IV, СПб., 1905, стр. 776.

ны... Борьба между этими двумя классами идет непрерывно»¹.

10 июня 1879 г. возмущенные киргизы избили бия Базар-Курганской волости Андижанского уезда и отобрали у него 404 рубля, взысканные им с местного населения. Повстанцы «нанесли побои палками»² джигитам этого бия и аильному старшине, связали их веревками и увезли в горы, заняв позиции на труднодоступном перевале Кумыш-Бел. К ним стал стекаться народ, гонимый голодом и нуждой, жаждавший мести за свои обиды. Это не на шутку обеспокоило местную феодальную знать и царскую власть. Царизм срочно сформировал карательный отряд и направил его на Кумыш-Бел. Восставшие не дремали. Они готовились к обороне и старались дать должный отпор царским войскам и джигитам волостного управителя. Приблизившись к перевалу, каратели были замечены «неповиновавшимися киргизами, которые успели схватить шашки, ружья, палки и, отбиваясь, бросились на вершину, откуда начали бросать камни»³.

Однако участники выступления не могли устоять против вооруженного карательного отряда. Они скрылись за труднодоступными горными вершинами. Начальник карательного отряда послал к ним группу джигитов и казаков с поручением задержать руководителя непокорных — Батыркула. Но смелый Батыркул, «свалив ударом шашки по голове джигита, ускакал на лошади последнего»⁴. Не только Батыркул, но и рядовые участники выступления проявили отвагу и героизм. Пять человек из числа повстанцев, попавшие в руки карателей, «бросились вниз с карниза высотой, по крайней мере, 300 сажен»⁵ и увлекли за собой несколько казаков. Карательному отряду было оказано яростное сопротивление и нанесен значительный урон. Повстанцы также понесли немалые потери ранеными и убитыми. Трое из них попали в руки карателей и были жестоко наказаны.

7 июня 1895 г. дыйкане кыштака Токта Ичкиликской волости Маргеланского уезда оказали сопротивление

¹ Д. Федоров. Джунгарско-Семиреченский приграничный район, ч. 1. Ташкент, 1910, стр. 84.

² ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 19, л. 960, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же.

должностным лицам, явившимся к ним для изъятия земли, находящейся в их пользовании. Они нанесли побои волостному управителю. В феврале следующего года значительная группа рядовых киргизов Наманганского уезда угрожала открытым нападением на «чиновников туземной администрации и помощника начальника уезда»¹. В марте 1899 г. против насилия и произвола местной феодальной знати выступили скотоводы Сусамырской волости Наманганского уезда. Непосредственным поводом и одной из причин выступления послужили насильственное отбирание скота у местного населения волостным управителем и айльными старшинами, а также притеснения манапов. Население «отказалось исполнить распоряжение волостного управителя и своих сельских старшин, причем позволило себе драться палками и бросать камни в должностных лиц»². Выступление было быстро подавлено прибывшим карательным отрядом, который возглавлял военный губернатор Ферганской области. Репрессиям подверглось 37 человек. Но этими мерами наказания царское правительство не ограничилось. Оно обязало коренное население уплатить штраф в размере 300 руб.³

10 февраля 1902 г. дыйкане Каратеитского общества Булак-Башинской волости Ошского уезда поднялись на борьбу против Джелал-Кудукского волостного управления, пытавшегося насильно занять богарный земельный участок на местности Беш-Боз. Они с позором выгнали волостного управителя и его джигитов. «Произошла крупная ссора, — пишет в своем рапорте пристав оседлого района Ошского уезда, — между жителями Каратеитского сельского общества и приехавшим джелал-кудукским волостным управителем. Ссора перешла в драку, и джелал-кудукский волостной управитель со своими аминами ускакал, так как около 300 киргизов Каратеитского общества, вооружившись палками, стали наступать на аминов, считая их главными виновниками в отобрании у них кайраков (богарная земля. — К. У.), которые составляли их неотъемлемую собственность, как по обычаю, так и по давности пользования ими»⁴. Через два

¹ Л. А. Чукубаев. Токтогул. Фрунзе, 1958, стр. 27.

² ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 374, л. 14.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 22407, л. 13.

дня волостной управитель сделал еще одну попытку занять земельный участок. Каратентовцы снова выступили против насильника и на этот раз отстояли свою землю. А «волостной управитель со своими аминами ускакал на соседний адыр (невысокие горы. — К. У.)»¹. Затем он обратился к царской власти за помощью. Такое же выступление произошло и в Кенкол-Карагырском сельском обществе².

О подобных выступлениях говорится и в материалах статистического комитета Ферганской области. «У бедняков земледельцев, — читаем в них, — происходят иногда столкновения с интересами богатых скотоводов»³.

В конце марта 1912 г. поднялось население Кенкольской и Каракольской волостей Аулие-Атинского уезда. Из прошения его активных участников Токтогазы Нусупбекова, Багашбая Нурдавлетов, Ходжаке Чалова и Сыдыка Мураталина, поданного на имя Туркестанского генерал-губернатора от 15 июня 1912 г., хорошо видны причины народного возмущения. В прошении говорилось, что крупные манапы Кенкольской и Каракольской волостей «будучи страшными богачами и вдобавок поощряемые приставом, восстановили себя в прежних приханских правах и все время держат в крепостном положении Кенкольскую и Каракольскую волости. Из-за честолубия и властолюбия этих господ происходят у нас междоусобицы, доходящие до убийств... Душою всех междоусобиц являются всегда эти манапы. При дознаниях и следствиях эти лица откупаются, остаются виновниками только бедные, не угодные этим манапам. Расходы же на откуп возмещаются с лихвой с бедноты поголовным обложением... На этой почве разыгралась междоусобица... Эти манапы продолжают производить поборы и грабежи»⁴.

Произвол и насилие манапов переполнили чашу терпения трудящихся, и они категорически отказались «платить произвольный налог»⁵, взимаемый в интересах феодалов знати. Волостные управители, старшины и ма-

¹ Там же, л. 14.

² Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской обл. Статистический комитет Андижанского уезда Ферганской обл. Ташкент, 1913, стр. 40.

³ Там же.

⁴ ЦГА Уз. ССР, ф. 17, бл. 1, д. 9370, л. 491.

⁵ Там же, л. 492.

напы, собрав около 600 послушных им джигитов, при помощи участкового пристава решили произвести сбор налогов насильственным путем. Но против них поднялся народ. 31 декабря 1912 г. произошла открытая схватка, в результате которой борцы за свободу потеряли 7 человек убитыми и много ранеными, 13 человек было арестовано. Однако жестокие карательные меры не могли сломить свободолюбивый дух трудящихся. 22 мая местное население вновь поднялось на борьбу против манапов, но и это выступление не увенчалось успехом¹.

21 сентября 1912 г. восстали киргизы Восточно-Сукулукской волости Пишпекского уезда. «Причем толпа эта,— читаем в обвинительном акте от 16 января 1913 г.,— силой и угрозами убить не допускала старшину и сопровождающих его чинов сельской полиции, писарей к скоту, подлежавшему конфискации»². Вскоре выступление приняло острый характер. 50 человек напали на должностных лиц и «избили их плетью и палками»³. Айный «старшина и его спутники, считая свою жизнь в опасности, вынуждены были спастись бегством»⁴.

Классовая борьба в киргизском обществе проявлялась не только в групповых выступлениях трудящихся, но и действиях отдельных бедняков против феодального гнета. Заслуживает внимания смелый поступок жителя аила № 7 Сокулукской волости Джумабая Кулькина. В середине декабря 1912 г. его вызвали на чрезвычайный съезд биев и крупных манапов Пишпекского уезда в качестве ответчика. Но он не явился. За ним был послан волостной управитель с джигитами, который также не смог заставить Джумабая явиться на съезд. Когда третий раз к Кулькину прибыл волостной управитель, он заявил ему с возмущением: «Я ваши приказания не слушаю и на съезд не поеду»⁵. Волостной управитель приказал своим джигитам во что бы то ни стало доставить Джумабая Кулькина на съезд. Тогда он с ножом в руках кинулся на представителей феодальной знати и разогнал их⁶.

Смело выступал против баев бедняк Томо. Его отец

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 17, оп. 1, д. 9370, л. 492.

² ЦГА Каз. ССР, ф. 76, оп. 1, д. 1449, л. 4.

³ Там же, л. 5.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 2-а, д. 624, л. 12.

⁶ Там же.

не смог уплатить подати, взимаемой представителями феодальной знати, скрылся в труднодоступных горах и занимался охотой. Однажды он попал в руки джигитов волостного управителя, которые избили его до смерти. Пятнадцатилетний Томо решил отомстить за отца. От его руки пали трое ненасытных манапов. Организовав отряд из молодежи, подлежащей мобилизации в трудовую армию, он напал на представителей местной феодальной знати и царизма. Но вскоре его настигла манапская пуля, и перестало биться сердце народного мстителя¹. 3 сентября 1915 г. киргизы айла № 4 Аспаринской волости Аулие-Атинского уезда Тулеген Кудайбергенов, Ардабек Бейшенгыров, Кадык Чокин, Иманкул, Джаманкул и Тулеш Дамбильчины, Нияз Даурбеков и Науруз-бай Кыдыков пришли к айльному старшине и «потребовали от него возвращения принадлежавших им юрт, реквизированных по требованию властей на нужды военного времени»². Айльный старшина ответил, что эти юрты нужны государю. Тогда просители, браня царя, «набросились на айльного старшину и избили его»³.

Летом 1916 г. бедняки местности Аткала Пржевальского уезда отказались платить государственные налоги и подати. Местные должностные лица решили проучить их и вызвали из Нарына карательный отряд. Народ оказал сопротивление отряду, волостной управитель был убит. Но выступление окончилось неудачей. Его руководителя, Турдубая Едилбекова, и еще 11 человек арестовали. Некоторые из них погибли на каторге, и лишь немногие вернулись домой после Февральской революции⁴.

Одной из распространенных форм классовой борьбы у киргизов являлось убийство наиболее ненавистных манапов и биев. «Время от времени,— читаем в одном из номеров «Известий Русского географического общества»,— совершаются киргизами убийства наиболее хищных манапов, таких манапов, про которых говорят, что

¹ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал С. Аттокуров. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), стр. 58—60.

² ЦГИА.Л. ф. 1405, оп. 530, д. 910, л. 37.

³ Там же.

⁴ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал С. Аттокуров. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1519 (10-а), стр. 88—90.

он «ест народ»¹. В одном из архивных документов, отражающих социальные отношения киргизов конца XIX — начала XX вв., говорится, что «у букары давно уже зародилось стремление освободиться от манаров. Проявляется это стремление и в грубых формах — убийстве то того, то другого манана»².

В 1891 г. крупный манар Балбек Байтурбеков, отличавшийся жестоким самодурством, был убит в Кочкорке группой бедняков, возглавляемой Мураталы. Но кровь манана обошлась слишком дорого. 16 человек привлечлись к ответу и были приговорены к разным срокам заключения. Из них вновь увидели Родину только трое, а остальные пропали без вести³.

11 апреля 1893 г. в кыштак Караван Каракул Джумабаев, Азим и Букара Мусабаяевы, Алтымагда, Карымшах Алиевы, Анар и Мадама Шариповы, Тулумбай Сарымсаков, Кадыр Джуусов, Алымкул и Курбаналий Кабуновы зарезали управителя Ичкиликской волости Маргеланского уезда и избili трех его джигитов. Этот волостной управитель «обременял их лишними поборами и чинил им всякие притеснения»⁴. Царские власти с целью поддержания общественного порядка и предупреждения в дальнейшем подобных преступлений осудили всех участников убийства на каторжные работы сроком от 10 до 15 лет⁵.

В 1895 г. в Кочкорке был убит манар Ыбыкей. В 1901 г. дыйканин кыштака Тутлук Курман Сарыев убил управителя Джелял-Кудукской волости Андижанского уезда. В следующем году 7 человек во главе с Конурбаем Утегеновым задушили джигита управителя Булекпавевской волости Пишпекского уезда⁶. В середине 1907 г. был выслан в Сибирь житель Малой Консуйской волости

¹ О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне (из жизни Семиречья). Изв. Русск. геогр. о-ва, т. XII, ч. 45. СПб., 1905, стр. 776.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 9.

³ И. Абдрахманов. Манар деген наамдын келип чыгышы жапа манандардын элге кэрсэткэн жамап кылыктары. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1713, стр. 7.

⁴ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 4, д. 160, л. 1—2.

⁵ Там же, л. 11—12.

⁶ А. А. Чукубаев. Социально-экономическая и политическая обстановка и развитие общественной мысли Киргизии во II половине XIX— начале XX вв. Уч. зап. истфака КГУ, вып. IV, 1955, стр. 46—47.

Пржевальского уезда Мамбет Суюмбаев, обвиняемый в убийстве манапа¹.

Убийства ненавистных манапов и других местных эксплуататоров особенно участились в годы первой империалистической войны и второй буржуазно-демократической революции. В одной только Гульчинской волости Ошского уезда беднота расправилась с несколькими представителями феодальной знати². Весною 1916 г. бедняки-киргизы, в том числе известный сказитель эпоса «Манас» Саякбай Каралаев и бедняк Алсент решили убить манапа Султанмурата и его покровителя—начальника Пржевальского уезда. Но им не удалось выполнить свой замысел. Алсент, сделавший попытку застрелить манапа, вынужден был бежать³.

Одной из особенностей классовой борьбы киргизов являлась попытка букары избирать на местные руководящие должности людей из своей среды. Это особенно ярко проявлялось во время выборов волостных управителей, айльных старшин и биев. В октябре 1895 г. население Кенкол-Каракольской волости Андижанского уезда бросало камни в начальствующих лиц, навязывавших им избрание на должность волостного управителя ненавистного народу манапа. То же самое произошло в Курганской области. А возмущенные и негодующие скотоводы Чаткальской и Сусамырской волостей в 1905 г. сорвали выборы айльных старшин и волостных управителей. Представителям царской власти пришлось перенести срок выборов. Но и на этот раз скотоводы отказались отдать свои голоса за представителей феодальной знати. Они выдвинули на должность волостного управителя кандидатуру бедняка Джантая⁴.

Во время выборов, проходивших в 1905 г. в Турукской волости Ошского уезда и Багишевской волости Андижанского уезда, рядовые киргизы также отказались голосовать за кандидатуру манапа и тем самым сорвали выборы.

¹ В. Н. Семенов. Указ. работа, стр. 29—30.

² Материалы по восстанию 1916 г. на территории Ошской области. Собрал С. Соронаев. Фонды Отделения общественных наук АП Киргиз. ССР, инв. № 1519 (3), стр. 41—43.

³ Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. Запись Д. Сулайманова со слов С. Каралаева. Там же, инв. № 1487, стр. 3.

⁴ ЦГА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 8518, л. 1.

Жители Базар-Курганской волости Андижанского уезда после выборов потребовали переизбрания айильного старшины, отличавшегося своей жестокостью. В начале июля 1905 г. трудящиеся Кураминского общества Булакбашинской волости оказали сопротивление ошскому уездному начальнику, пытавшемуся добиться избрания на должность волостного управителя угодного царизму лица. Они выдвинули кандидатуру бедняка Арзыбая Керимбаева. Царские власти и местная феодальная знать пытались удалить его, но когда им это не удалось, было решено арестовать Арзыбая Керимбаева. Однако и эта мера не помогла. Выборы волостного управителя все-таки были сорваны большинством рядовых общинников¹.

В июне 1906 г. во время выборов волостного управителя часть населения Чоринской волости Пржевальского уезда, категорически отказываясь голосовать за кандидатуру ненавистного ей манапа, требовала выделения её в самостоятельную волость². Трудящиеся Джеты-Огузской волости Пржевальского уезда отказались явиться на выборы местных должностных лиц и поставили вопрос перед уездным начальством «о разделении волости или об отделении бедняков от богачей»³. С той же просьбой они обратились к туркестанскому генерал-губернатору.

Отделиться в самостоятельную волость и тем самым избавиться от феодального гнета старались и рядовые кочевники Тогуз-Торо, возглавляемые бедняком Джээнчоро Аргымбаевым. Весной 1916 г. они заявили уездному начальнику о своем желании выделиться в самостоятельную волость. К ним стали присоединяться трудящиеся других волостей. Но вскоре Джээнчоро Аргымбаев при возвращении домой с полива земельного участка был убит человеком, подосланным местными манапами. Бедняки Тогуз-Торо, лишившись руководителя, отказались от своих требований⁴.

Проявлением классовой борьбы киргизов являлась также откочевка трудящихся с целью избавления от

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 433, л. 105.

² Там же, ф. 1, оп. 13, д. 587, л. 100—102.

³ Там же, л. 95.

⁴ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал С. Аттокуров. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР инв. № 1519 (10-а), стр. 85—87.

наиболее деспотичных феодалов, уклонения и отказа от уплаты налогов и долгов местным должностным лицам, баям и ростовщикам. В 1886 г. часть дыйкан киргизского кыштака Акбаша, не желая платить подати, перекочевала в местность Кылыч-Тамга недалеко от Узгена¹. В 1915 г. бедняки Кызыл-Джарской, Ак-Джольской и Тегенской волостей Наманганского уезда, доведенные до полной нищеты в результате двойного гнета и непомерных налогов, ушли в горы². Подобные случаи имели место и у скотоводов, кочевавших в местности Ак-Талаа³. В 1915 г. бедняки Урусалы и Сатыбек бежали из Кетмень-Тюбе в Талас. Причина их бегства — произвол и жестокость бая, у которого они работали⁴. Убегая от своих хозяев, киргизы обычно уводили скот, особенно лошадей.

Протестом киргизского народа против феодального гнета были жалобы и прошения на имя разных должностных лиц. В них нашли яркое отражение гнев и ненависть обиженных и бесправных народных масс к местным эксплуататорам. Таким путем забитые и темные, политически неразвитые и идейно отсталые бедняки пытались найти защиту у вышестоящих должностных лиц, избавиться или по крайней мере смягчить произвол и насилие волостных управителей, айльных старшин, биев и других представителей феодальной знати. Так, в прошении рядовых киргизов Кетмень-Тюбинской волости Токмакского уезда Тынышбая, Кенжебая и Тулекабыла Бердибековых на имя туркестанского генерал-губернатора от 28 августа 1878 г. содержится просьба об обуздании мапапов Акмата и Дыйканбая⁵.

Акын-демократ Токтогул Сатылганов в своих сатирических, острых и метких стихотворениях заклеил по-

¹ Общественно-экономический строй киргизов дореволюционного периода. Собрал Д. Айтмамбетов. Фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1695, стр. 5.

² Материалы по восстанию 1916 г. на территории Джалал-Абд-ской области. Собрал А. Чотонов. Там же, инв. № 1519 (6), стр. 20, 22.

³ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области. Собрал С. Аттокуров. Там же, инв. № 1519 (10-а), стр. 85—87.

⁴ Материалы по восстанию 1916 г. на территории Джалал-Абд-ской области. Собрал А. Чотонов. Там же, инв. № 1519 (6), стр. 20.

⁵ ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 19, д. 605, л. 4.

зором манапов — кровопийц и душителей народа. 27 апреля 1883 г. группа рядовых киргизов Саруйской волости Наманганского уезда обратилась к военному губернатору Ферганской области, надеясь найти у него защиту от произвола волостного управителя, насильственно занявшего земли, находившиеся в их пользовании¹. В жалобе говорилось: «Мы люди бедные и не можем равняться с богатыми, они потравили и уничтожили наши посевы»². Бедняки просили привлечь к ответственности волостного управителя и его приближенных. Жители Найманской волости Маргеланского уезда в своем прошении от 9 февраля 1894 г. писали, что волостной управитель Курван взимает непомерные налоги «чыгым» и «употребляет всевозможные насилия... Поэтому просим вместо него назначить другого и этим избавить нас от разорения. В противном же случае мы принуждены будем покинуть наши дома и удалиться, все имущество оставить на произвол судьбы»³.

Военный губернатор Ферганской области на все прошения давал отрицательный ответ. Это усиливало недовольство народных масс против местной феодальной знати и царского самодержавия. В жалобе трудящихся Сокулукской волости Пишпекского уезда, поданной на имя сенатора Палена от 13 июня 1909 г., содержится просьба избавить народ от манапов, доводивших своих подчиненных до нищеты и разорения: «Заявляя об этом (произволе и насилии манапов. — К. У.) просим войти в наше положение и освободить нас от варварских притеснений манапа Чолпонкула и (его сына — волостного управителя. — К. У.) Суеркула»⁴.

12 июня 1913 г. К. Балтаев и О. Бабинов от имени 30 кибитковладельцев Узгенской волости Пишпекского уезда обратились к заведующему Семиреченского переселенческого управления: «Не найдете ли возможным сделать распоряжение кому будет следовать в непродолжительном времени об освобождении нас от народных судов, чрезвычайных съездов и незаконных поборов, которые нас разорили?»⁵. В телеграмме от 27 июня 1911 г.

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 23070, л. 27—28.

² Там же, л. 27.

³ Там же, ф. 23, оп. 1, д. 666, л. 56.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 122, л. 66.

⁵ Там же, ф. 391, оп. 6, д. 968, л. 247.

население Джалал-Абадской волости открыто заявило военному губернатору Ферганской области о своем недоверии местной администрации, душившей народ¹. Джалалабадцы требовали отстранения от занимаемой должности кугартского арык-аксакала и некоторых других лиц. Они намекали в случае отклонения их требований на более решительные действия. Туркестанский генерал-губернатор, побывав в 1916 г. в Семиреченской области, вынужден был отметить, что представители коренного трудового населения «высказали свое недовольство судом биев, самовластием своих волостных управителей и айльных старшин»². Растущее недовольство и усиливающуюся борьбу киргизских трудящихся против манапов, биев и баев вынуждены были признать и другие высокопоставленные царские чиновники.

* *
*

Итак, вышеизложенные фактические материалы полностью подтверждают учение марксизма о том, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», что «угнетающий и угнетаемый пахотились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу»³. Классовая борьба у киргизов проявлялась в разнообразных формах. Иногда она выливалась в открытые восстания и выступления угнетенных масс. Иногда она происходила скрыто и глухо, выражаясь в неуплате налогов и податей, уклонении от выполнения феодальных повинностей, уходе (откочевке) бедняков, в неповиновении местным эксплуататорам, убийстве наиболее ненавистных угнетателей, в стремлении избрать местных правителей из числа трудового населения, жалобах на представителей феодальной знати и т. п.

Однако нельзя смешивать классовую борьбу трудящихся с борьбой представителей феодальной знати за власть. Накануне и во время выборов волостных управителей, айльных старшин и биев между манапами, стре-

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 17700, л. 8.

² Красный архив, 1929, № 3 (34), стр. 66.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

мившимся занять эти должности, шла острая борьба. Претенденты на названные должности, стараясь одержать победу над соперником в предстоящих выборах, всячески пытались увеличить число своих сторонников. С этой целью они подкупали рядовых общинников, писали жалобы друг на друга и давали взятки царским чиновникам. Они также стремились использовать в личных интересах патриархально-родовые пережитки и вовлечь в предвыборную кампанию «своих сородичей» — букару. Но это не имело ничего общего с классовой борьбой трудовых масс, ибо интересы трудящихся и феодальной знати были совершенно противоположными. Бедняки-киргизы не могли предать свои классовые интересы и слепо следовать за богатыми «сородичами» — манапами, преследующими корыстные цели.

С вхождением Киргизии в состав России классовая борьба коренного трудового населения вступила в новый период своего развития. Она стала составной частью всероссийского революционного движения. Изменилась ее сущность, стал шире размах. Да и формы этой борьбы выглядели иначе. Не могли оставаться прежними цели и задачи выступления трудящихся против местной феодальной знати. Но все же классовая борьба еще носила стихийный характер. Ей была свойственна локальность. Она вспыхивала неорганизованно, в разное время, в разных районах, не имела единого руководства и, естественно, не могла увенчаться успехом. Это объясняется слабым ростом производительных сил, кочевым и раздробленным скотоводческим хозяйством, отсутствием национального пролетарского руководства, разобщенностью, забитостью и темнотой трудящихся, живучестью патриархально-родовых пережитков, а также наличием шаманизма и ислама, одурманивавших классовое сознание коренного трудового населения.

Как известно, в рассматриваемый период Туркестан, в том числе Киргизия, являлся колонией. Киргизские трудовые массы испытывали не только социальный, но и колониальный гнет, что не могло не повлиять на характер их классовой борьбы. Классовая борьба, вызванная двойным гнетом, нередко переплеталась с национально-освободительными выступлениями¹. В таких случаях ее

¹ З. Ш. Раджабов. Восстание 1916 г. и его историческое значение. «Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук», 1967, № 1.

можно было ошибочно принять за обычное восстание против царских колонизаторов за национальную независимость. На первый взгляд, она не отличалась от национально-освободительного выступления, в котором принимали участие даже представители местной феодальной знати. В этом заключалась одна из специфических особенностей классовой борьбы киргизов.

*
* *

Революционные выступления, в том числе классовая борьба, в Киргизии являлись органической и составной частью общероссийского революционного движения в конце XIX—начале XX вв. Почти каждая крупная стачка, каждая политическая демонстрация и каждое героическое выступление российского пролетариата в Центре находили живой отклик в среде трудящихся Туркестанского края. Они отзывались отдаленным эхом в Киргизии, представлявшей собой отсталую и замкнутую окраину царской России. Однако это не значит, что революционное движение здесь не имело под собой твердой почвы и было искусственно занесено извне. Его нельзя отнести к числу случайных явлений. Оно имело глубокие социальные, экономические и политические предпосылки, являлось результатом исторического развития киргизского народа и было закономерным явлением в жизни коренного населения.

Приобщение киргизских трудящихся к революционному движению российского пролетариата и трудового крестьянства происходило в трудных специфических условиях. Эти трудности порождались господством патриархально-феодальных отношений, наличием родового быта, натуральным характером хозяйства, колониально-национальной политикой царизма, чрезвычайной малочисленностью промышленного пролетариата из местной национальности, политической отсталостью коренного населения и его поголовной неграмотностью, слабым союзом русского рабочего класса и крестьянства с дыйканами, национальными особенностями, в частности, различиями в языке, культуре и в быту, живучестью религиозных предрассудков и т. п.

Приобщение киргизских трудовых масс к революционной борьбе русского народа имело огромное полити-

ческое значение. Оно показало, что светлое будущее и счастье трудящихся киргизов неразрывно связаны с русским народом, его революционным пролетариатом и большевистской партией, без помощи которых невозможно завоевать ни социальную, ни национальную свободу. Приобщение к революционному движению России привело к повышению классового самосознания коренных трудящихся и постепенному высвобождению их из-под влияния патриархально-феодалской эксплуататорской верхушки и клерикальных элементов. Оно способствовало росту симпатии местного населения к русскому народу.

Киргизские трудовые массы, как и все угнетенные народы царской России, видели в лице русского пролетариата надежного защитника и искреннего друга. И они не ошиблись.

Российский пролетариат в союзе с трудовым крестьянством, под руководством партии большевиков, во главе с великим Лениным сплотил вокруг себя все угнетенные народы страны и повел их против царского самодержавия и местных эксплуататоров как общего врага трудящихся, обеспечил победу Октябрьской социалистической революции. Эта великая победа означала коренной исторический перелом в судьбе киргизского народа. После победы Октябрьской революции он, как и все народы Средней Азии и Казахстана, получил свободу и землю, за которую боролся против местных феодалов и царских колонизаторов, установил у себя Советскую власть и на равных правах вошел в счастливую семью наций нашей великой Родины.